

Юрий Корочков

ВОЗДУШНЫЕ ГЛАДИАТОРЫ

Юрий Корочков

Воздушные гладиаторы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68499339

SelfPub; 2022

Аннотация

Бывший лётчик-космонавт Алексей Варламов так и не сумел устроиться в новых реалиях мира с "закрытым небом". Ни семьи, ни достойной работы, даже с бывшими друзьями общение почти прервалось. Но нет в этом мире ничего постоянного. Против России готовится крупнейшая ядерная провокация, а на мировую арену выходит новый нелегальный, но крайне выгодный "вид спорта" – гладиаторские бои на настоящих исторических самолётах с использованием реального оружия. И идеальным кандидатом для выхода на организаторов бесчеловечных схваток является как раз Алексей, за которого теперь играют все его "недостатки", вплоть до реального боевого опыта в последней войне с Китаем. Сумеют ли трое лётчиков и горстка авантюристов из экстремистской организации "Литовские стрелки" и секты "Новых ленинцев" сломать планы мировой закулисы? В книге используются тексты песен Александра Боголапова. В оформлении обложки использована картина А. Соколова "На земле и над землёй" 1941г. Дизайн обложки София Друговская.

Содержание

Со дна	4
Мурманск.	15
Африканда.	24
Дебют.	34
Клуб.	43
Закрытый показ	53
Печёры.	62
Бомба.	71
Бой.	76
Ольга.	86
Полуфинал.	91

Юрий Корочков

Воздушные гладиаторы

Со дна

Машина остановилась у подъезда старой кирпичной пятиэтажки. Вышедший из неё мужчина с недоумением осмотрелся вокруг. Таких районов он в своей жизни ещё не видел, хоть и был коренным Москвичом. В принципе, мужчина знал, что тот, к кому он едет, живёт «в старом фонде», но ожидал очутиться в одном из типичных мрачных районов массовой застройки начала века – безликие 25-30 этажные «человейники» и сейчас оставались самыми доступными и востребованными на столичном рынке недвижимости.

Но то, что предстало перед глазами Ивана Белова, а из машины вышел именно он, поражало воображение. Тут был неведомым образом уцелевший квартал древних пятиэтажных домов, некогда носивших непочтительное название «Хрущёвки». Надо признать, за годы дома лучше не стали. Сложенные из дешёвого силикатного кирпича стены пестрели выщербинами, окна в квартирах были, как правило, из не слишком хорошего пластика, а торчащие из стен узенькие балкончики вызывали страх при одной мысли, что на них можно выйти и не рухнуть вниз.

И, тем не менее, адрес был тот самый. Именно в этом заповедно-неблагополучном районе обитал тот, кого он искал. Войдя через обшарпанную железную дверь в грязный подъезд, Иван поднялся по лестнице на четвёртый этаж и остановился в задумчивости на узенькой лестничной площадке. Квартир на этаже было три, и таблички на дверях отсутствовали. По счастью, на помощь пришёл слух.

Из-за одной из дверей доносился дребезжащий звук гитары и не слишком складное пение. Прислушавшись, Иван разобрал слова, из которых явствовало, что он пришёл к своей цели. За дверью мужской голос под гитару надрывно выводил явно бардовское:

*Душа моя в мире пленница,
И мука твоё платье белое!
А чувство моё не изменится,
Поскольку оно слишком зрелое!
И может быть это странно,
Но я люблю всё сильнее!
Ведь я из рода Кехано
А ты моя Дульсинея!
Я из рода Кехано,
А ты моя Дульсинея!*

Текст песни отлично согласовался с оперативной информацией, и Иван из всех сил забарабанил в обитую облезлым дерматином дверь, начисто лишённую звонка.

Да, это, несомненно, был он! Хотя в представшем перед

Иваном заросшем недельной щетиной помятом мужике с красными глазами трудно было узнать подтянутого лётчика-космонавта.

– Привет, друже! – произнёс хозяин. – Вот уж кого не ждал увидеть, так это тебя. Ты как? Сам, или Контора прислала? Впрочем, Конторе я больше неинтересен – кому нужен лётчик в мире без космоса и даже атмосферных полётов?!

И столько было горького отчаяния в этой фразе, что Иван понял – девушки девушками, но по-настоящему друг скорбит о потере любимого дела, которому посвятил всего себя без остатка.

– Здравствуй, Лёш! Плохо выглядишь. Знаешь, сперва, хотел просто поболтать, но посмотрел на тебя, и понял – говорить надо всё сразу, как есть. Считаю, что получил повестку. Ты снова нужен, причём в своём первом, и как подозреваю, главным качестве – как классный истребитель.

Судорожно сглотнув, хозяин сделал приглашающий жест и оба прошли в небольшую, но уютную комнату. Пригласив Ивана подождать пару минут на диване, Алексей удалился в ванную, приводить себя в порядок. Прохаживаясь по комнате, Иван с удивлением понял, что знал о товарище, ставшем после полёта на Марс, настоящим другом, не так много. Только настоящее, подлинное жилище способно рассказать о человеке такое, что сам он никогда не расскажет.

Вот и тут: крохотная двухкомнатная квартирка, из тех,

что справедливо называют хрущёбами. Когдаходишь в подобное жильё, ожидаешь увидеть грязную берлогу опустившегося алкоголика, а на самом-то деле! Центральное место в небольшой, но уютной комнате занимал большой круглый стол, застеленный старой, но очень красивой скатертью с кистями, свисающими до середины ножек. На низком потолке люстры не было. Освещение обеспечивали живописно повешенные на стены кованые бра.

Ещё одна деталь, бросающаяся в глаза: отсутствие больших экранов, традиционно занимающих почётное место на стенах почти всех квартир. У Алексея ничего подобного не наблюдалось! Вдоль самой длинной стены между двумя белыми книжными шкафами с остеклёнными дверцами стояло старинное, похоже, позапрошлого века, фортепиано, украшенное затейливой резьбой. Вообще, количество бумажных книг поражало – за полуоткрытой дверью в спальную просматривались занимающее все стены книжные шкафы.

На диване, стоящем напротив фортепиано, небрежно лежала богато инкрустированная слоновой костью гитара, на которой хозяин музицировал. Что характерно, на столе не имелось ни водки, ни иных крепких напитков – лишь на две трети опустошённая бутылка мадеры да две тарелки: с жареным мясом и нарезанным крупными ломтями хлебом.

На комодѣ, в углу комнаты, цепкий взгляд Ивана заметил упавшую изображением вниз фотографию – молодая темноволосая девушка была изображена на лесной поляне у пы-

лающего костра. Было девушке лет семнадцать, но фотография была старая, так что сказать, сколько той девушке лет сейчас было совершенно невозможно. Иван положил фотографию на место и подошёл к столу. Рядом с его ножкой валялся толстый том «Истории авиации России до 1938 года». Было видно, что книга зачитана едва не до дыр – на полях засаленных пожелтевших страниц имелись многочисленные карандашные пометки.

Иван как раз листал справочник, когда из кухни появился Алексей с источающей потрясающий аромат туркой свежесваренного кофе. Одного взгляда Ивану хватило, чтобы понять – перед ним прежний полковник Алексей Варламов! Краснота глаз никуда не ушла, остался и лёгкий алкогольный аромат, но это снова был не помятый гражданский, а явно боевой офицер, знающий как себя вести по обе стороны мушки.

Пригубили по рюмочке хереса, закусили тонко нарезанным лимоном, присыпанным сахарной пудрой, и принялись за кофе. Всё это молча, разговаривая исключительно глазами. Наконец, Алексей нарушил молчание.

– И зачем же службе понадобился лётчик в нынешние времена? – Алексей мотнул головой на незашторенное окно, за которым небо уже разгоралось россыпью обломков космического мусора, закрывших для человечества не только космос, но и высотную авиацию.

– Представь что я еврей. Так что отвечу вопросом на

вопрос – а ты зачем до дыр зачитываешь справочники по древним, летавшим на ограниченных высотах самолётам?

– Какой из тебя, типичного рязанского парня, еврей?! Но ответ я, кажется, понял. Решено возродить низковысотную медленную авиацию? С самолётами, летящими по визуальным ориентирам? Никогда не поверю что сейчас, имея сеть высокоскоростных железных дорог, это имеет практическую ценность. Так же не поверю, что к этому причастна Контора. И ещё меньше – что у вас не нашлось для полётов на дозвуковых калошах других лётчиков, кроме меня. Да и сам ты сказал, что востребованы мои навыки истребителя.

– Демонстрируешь владение логикой. Это радует. Конечно, ты прав. Никто не собирается возродить медленную низковысотную авиацию – в нынешнем мире это непрактично. Но пока самолёты не могут летать так, как раньше, на рынке образовался избыток лётчиков, и кое-кто решил воспользоваться ситуацией и половить рыбку в мутной воде. У тебя что – вообще выхода в сеть нет?

– Да что в том интернете и смотреть то?! Одна реклама! Ну, валяется ноут где-то... Алексей покопался в ящике комода, и достал оттуда потрёпанный жизнью ноутбук защищённой армейской модели.

– Дай сюда. – Иван взял прибор, включил, дождался, пока прогрузится операционная система, и компьютер соединится с сетью. После этого, соблюдая ряд предосторожностей, вышел в даркнет, и зашёл на сайт спортивных тотализато-

ров. – Вот, смотри и читай!

Заметка была совсем коротенькая. Принимались ставки на предстоящий поединок – дуэль на самолётах. Самолёты «Моран Солнье» и «Сопвич Кэмел», пилоты Жерар Арно и Джон Булл, время проведения через неделю, место – Булонский лес. Необычным было предложение зрительских мест за весьма приличную сумму – по тысяче фунтов. Странно. Мало кто захочет платить подобные деньги за право присутствовать на чужом поединке в виртуальной реальности. Вот об этом Алексей и спросил.

– А кто ж тебе, мил человек, сказал, что схватка будет в виртуальности?

– Ну а как же иначе? На таких-то этажерках! Это даже без применения оружия чревато слишком большой вероятностью гибели обоих пилотов! И я молчу о стоимости самих самолётов.

– Поверь, все расходы многократно окупаются. И да – оружие во время этих боёв применяется боевое. Как правило, один из пилотов, а иногда и оба, гибнут. За прошедшие полгода произошло уже более полусотни поединков. Погибло сорок шесть лётчиков, а доходы организаторов новых гладиаторских боёв уже превысили миллиард фунтов.

– И кто же эти лётчики? – Интерес в глазах Алексея разгорался всё явственнее.

– С лётчиками просто. Каждый участник получает приличную сумму перед схваткой, а победитель забирает куш,

гарантирующий ему как минимум год безбедной жизни. Безработные военные лётчики в очередь выстраиваются, чтобы записаться на участие. Отбирают лучших... Дошло до того, что первая схватка объявлена для пилотов бесплатной! По итогам судьи решают, получит ли новичок право участвовать в «играх» на профессиональной основе.

– И чего хочет «Служба»?

– «Служба» хочет выйти на организаторов. И наиболее оптимальный способ – участие в играх. А ты единственный из доверенных пилотов, имеющих не только виртуальный, но и вполне реальный боевой опыт. Да и, чего греха таить, практически идеальную легенду для внедрения: неудачник, турнули из армии, попытал счастья в космических чернорабочих, но не выгорело и там. После закрытия неба сорвался с катушек, психанул, уволился и перебиваешься случайными заработками. Не женат, пьёшь, но, всем известно, влюблён в небо и имеешь боевой опыт в войне с Китаем. Чем не идеальный кандидат?

– Условия?

– Тебя восстанавливают в должности, звании, зачисляют на действительную службу с выслугой по условиям военного времени, включая время «во временном отпуске по реабилитации» после полёта на Марс. Покажешь себя достойно – возможны варианты. Я тебе этого не говорил, но есть мнение, что военную авиацию будут восстанавливать, и для полётов «наверху» понадобятся смелые люди. Сейчас как раз

ведутся первые испытания машин, способных летать «там». Ты же понимаешь, насколько почётно оказаться среди первых, самых первых новых летчиков отечества.

– Вот это уже разговор! Я понимаю, что контрактов не будет, но знаю и то, что лично тебе можно верить. Так что по рукам. Я согласен. Есть варианты выхода на участие в «шоу»?

– Это не «шоу»... Там всё серьёзно – настоящие бои с настоящими смертями. Организаторы называют это «играми». Вариант известен – к участию допускается любой, имеющий собственный самолёт. Кандидат обязуется участвовать в бою с любым аппаратом, произведённым не ранее, чем прототип самой ранней заявленной им на участие машины. Условный год схватки определяется генератором случайных чисел.

– Круто! То есть я на условном «Фармане» 1910 года могу попасть в схватку с реактивным истребителем седьмого поколения?! Это же бойня!

– Да, теоретически такой вариант возможен, но подобные «схватки» неинтересны зрителям, потому организаторы стараются их не допускать. Сперва отбирают кандидатов с примерно равными возможностями, а лишь потом запускают генератор года.

– И на чём же родина отправит в полёт меня?

– О! Ты произведёшь фурор! Наши техники построили для тебя реплику первого серийного советского истребителя И-1. Так что год у тебя 1923.

– Вы что, серьёзно?! Это же летающий гроб! На нём лётчиков убило больше, чем летало!!! Его же с вооружения сняли за отвратительные лётные качества!

– Читайте больше дурной литературы, – кивнул Иван на справочник. – На самом деле, после доработок, исправивших центровку истребителя, И-1 стал одним из лучших на тот момент истребителей в мире. Почему и отчего его сняли с вооружения другой вопрос – политики и закулисных игр там куда больше, чем техники. Можешь убедиться сам. Тем более начальство просто-таки настаивает на обязательных двух месяцах усиленной лётной подготовки именно на этом самолёте до того, как мы подадим заявку.

– Ну и где же будет осуществляться эта «подготовка»? Опять симуляторы и виртуальность?

– Ни в коем случае! Африканда – говорит тебе что-то это слово?

– Старый полярный аэродром, давно заброшенный. Та ещё дыра. Пролетал над ним несколько раз. Бетонка там колоссальной длины, но вся разбитая, а больше и нет ничего – тундра да развалины.

– Вот и все так думают! А там сохранилась бункерная зона. Полосу там, кстати, отреставрировали, хотя твоему самолётику бетонка ни к чему, лето, взлетать можешь с земли!

– Когда отправляться?

– Вчера. Вот билет на поезд до Мурманска и международный паспорт моряка. Твой сейнер уходит в море послезавтра.

Естественно, что в море тебе делать нечего – в рейс пойдёт похожий на тебя матрос, а ты на нашей машине отправишься на Африканду. Встретимся в Мурманске. Я тоже решил потряхнуть стариной.

– А вот это по-нашему! Ваня, ты даже не представляешь, какой камень с души! Я уж было подумал, что ты скурвился!

– Нет, Лёш, я всё тот же! И я и Арвидас в деле. Так что до встречи.

– До встречи!

Покидал на диво гостеприимный и уютный дом Алексея Иван совсем с другими чувствами, чем ехал сюда. Друга удалось вытянуть из затяжной депрессии, но, вполне возможно, он обрекает его на гибель. Утешало лишь одно – сам он был в той же лодке.

Мурманск.

Лётчики встретились в Мурманске, в одной из ничем не примечательных пивных. Заведение располагалось в подвальном помещении старинного здания в центре города, но наплыва посетителей не было, и друзья с комфортом расположились за угловым столиком. Внимания эта компания привлечь к себе не могла – трое самых обычных средних лет мужиков, двое гладко выбриты, один с аккуратной каштановой бородкой.

Спросили по кружке тёмного нефильтрованного под фирменных для данного заведения варёных раков. Сперва даже и не разговаривали: тишину нарушал лишь хруст панцирей действительно чудесных речных обитателей. После того, как первый голод был утолён, а Арвидас, исполняющий сегодня роль «смотрящего» за обстановкой сделал незаметный разрешающий знак, показывающий, что техническими средствами их сейчас не контролируют, перешли к неспешному разговору.

– Ну, господа пираты, поздравляю со вступлением в ряды первой нелегальной истребительной эскадрильи, – шутили приветствовал товарищей Иван. Он приехал в город вчера, заночевал в дешёвой гостинице и успел связаться с аэродромным персоналом, готовящим для лётчиков всё необхо-

димое на Африканде.

– Йоган, – обратился к старинному другу на родной манер Арвидас, – а к чему, собственно вся эта конспирация? Мы же у себя в стране, спутникового слежения не существует, так и стоило ли затевать такую масштабную операцию? Вполне ведь могли с комфортом потренироваться в Подмосковье, а потом и выйти на устроителей игр.

– Нет, Арвидас, к сожалению не могли. Собственно, вся эта «конспирация» как раз и устроена, чтобы залегендировать нашу с вами команду. Здесь нас с вами «случайно», но совершенно непременно заметят нужные люди, они же отметят, что мы вместе уехали в тундру. Закупки снаряжения и материалов тоже обставлены должным образом, чтобы обозначить именно инициативу пусть далеко не последних, но частных лиц, решивших вступить в большую международную игру с высокими ставками. Даже в персонале «базы» будет человек от «смотрящих», так что языки не распускаем, играем круглосуточно, а мнением обмениваемся только на открытом воздухе подальше ото всех и непременно после проверки на электронные «жучки» в одежде. Права на ошибку мы с вами не имеем. Да, Арвидас, тебе отводится особая роль, ведь «крышевать» нашу команду будут самые настоящие «Литовские стрелки».

– Что, те самые?!

– Они. И не удивляйся. Господа прибалтийские патриоты конечно против России, вновь «оккупировавшей» их много-

страдальную родину, но умные люди там тоже есть, и считать они умеют. Нынешние пять миллионов литовцев не чета восьмиста тысячам на момент «возвращения домой» в состав России. Так что ребята там прекрасно понимают кто их настоящий враг, да, к тому же, являются интернационалистами в лучшем смысле слова – любят и ценят собственную страну и с уважением относятся к другим.

– Ну-ну, – скептически промычал третий из присутствующих, до сих пор не проронивший ни слова. И какие же ещё нас ждут сюрпризы?

– О! Сюрпризов будет немало! – с энтузиазмом промолвил Иван. Во-первых, наши машины. Для тебя, Лёш, как и договаривались, заканчивается сборка трёх экземпляров И-1. Я выступаю на играх на МиГ-29. Прости Ар, но эту машинку, к которой ты готовился, я у тебя подрежу. Так нужно в интересах дела. Наши прибалтийские друзья предложили вариант, от которого мы не смогли, да и не захотели отказываться: главным действующим лицом нашей команды становится Арвидас, а полетит он на уникальнейшем самолёте – шедевре «прибалтийской» конструкторской мысли и технологий: Сикорском С-16! Да ещё и с двигателем «Калеп» оригинальной разработки рижского завода «Мотор».

Тут уже не выдержали нервы у обычно уравновешенного литовца.

– Я не многое знаю о ранней истории авиации, но имя Сикорского знакомо даже мне. Это что ж за самолёт с таким

индексом? Что-то из эпохи первых экспериментальных полётов, когда чудом считался сам факт отрыва от земли и возвращения из полёта живым? И что за двигатель такой незнакомый? Слышал о «Гномах», «Ронах», «Анзани», даже об «Аргусах», но «Калеп»?!

– Итак, – отвечал Иван, – начну отвечать на вопросы по порядку.

Сикорский С-16 малоизвестный в мировой истории истребитель, примечательный разве что тем, что стал первым русским самолётом данного типа. Знаменитый конструктор создал его в 1915 году, когда потребность в подобных машинах была уже очевидна. Причём, зная о жесточайшем «моторном голоде», царившем в России в условиях войны, конструктор, работавший на Русско-Балтийском вагонном заводе, разработал конструкцию самолёта оптимизированной под двигатель местного производства «Калеп», что сыграло в судьбе истребителя далеко не последнюю роль.

В своё время эстонский инженер Теодор Калеп не смог договориться с фирмой «Гном» о лицензионном выпуске моторов. Французы требовали грабительских отчислений в две трети стоимости каждого мотора, и эстонец был вынужден разработать собственный двигатель, обходящий французский патент. Талантливый инженер не просто справился с поставленной задачей, а совершил почти невозможное – его двигатель при равной мощности весил на 10кг меньше французского аналога, и имел на 58 деталей меньше. По на-

дёжности и плавности хода новый мотор не имел равных в своём классе, обеспечив прирост моторесурса до капремонта втрое, и подняв время гарантированной непрерывной работы двигателя с двух сразу до десяти часов.

Политическая обстановка и трудности со снабжением не позволили наладить по настоящему массовый выпуск этих прекрасных двигателей, а сам Калеп погиб при загадочных обстоятельствах. Говорят, что его устранили конкуренты. В итоге, русская авиация была вынуждена летать на капризных, недолговечных, но широко «раскрученных» «Гномах», а творение Калепа осталось в тени истории. Обо всём этом знал Игорь Сикорский, создававший свой первый истребитель, но даже он не сумел наладить бесперебойных поставок столь необходимых моторов, несмотря на согласие завода «Мотор» выпускать их в любых количествах. Вмешался случай в лице курирующих фронтовую авиацию коррумпированных чиновников, стремившихся даже в условиях войны нагреть руки на выгодных армейских закупках.

Крючковторы вытащили на свет божий постановление правительства о централизации поставок двигателей в войска, и Сикорскому было объявлено, что армия будет закупать самолёты без силовой установки. Заказ же на моторы для новых истребителей разместили не на рижском заводе, а на предложившем большие откаты московском заводе «Гном». И это даже несмотря на откровенно низкое качество его продукции, завышенные цены и неспособность предприятия вы-

полнить даже уже имеющиеся заказы.

В реальной жизни С-16 были вынуждены летать даже не на новых, а на изношенных, прошедших два-три капремонта «Гномах», едва развивавших 50-60 лошадиных сил. И даже с такими моторами истребители показали скорость до 150 км/ч при фантастически лёгком управлении и манёвренности, отмеченной лётчиками. Чего стоит один факт, что за восемь лет эксплуатации «маленьких Сикорских» погиб лишь один из летавших на них лётчиков! И это в условиях непрерывного участия в боях!

С «родным» двигателем «Калеп-100», и оптимизированным под двигатель винтом истребитель в пробном полёте показал скорость в 186 км/ч, что разом меняет всю картину предстоящего боя. Двигатель для твоего, Лёш, С-16 собрали фанатично преданные своему делу эстонские реставраторы. Каждая деталь выточена и обработана вручную, все они любовно пригнаны друг к другу, а сам мотор тщательнейшим образом отрегулирован. На проведенных замерах «Калеп» выдал положенные 100 лошадей мощности в форсированном режиме, что вполне коррелирует с аналогичными показателями «Гномов», «Ронов», и подобных распространённых ротативных двигателей, а вот работать на этом самом форсированном режиме эстонский двигатель может до часа, в отличие от полутора минут французского конкурента.

– Есть вопросы?

– Есть, как не быть, – вновь вступил в разговор Алексей,

пока литовец осваивал полученную информацию, – Насколько мы можем доверять господам «стрелкам» и какая вообще их роль в интриге?

– А вот тут самое интересное, – Иван разом утратил браваду и стал вмиг очень серьезным.

– Доверять нашим литовским друзьям мы можем всецело, благо цели у нас сейчас едины, но о долге перед Родиной и о том, что все состоит на действительной службе, забывать не советую.

Три месяца назад стало известно о готовящейся против России крупнейшей провокации. Собственно, именно это послужило причиной того, что мы здесь. Прискорбно признать, что наша разведка всё промучала, и смогла лишь подтвердить сведения, которыми поделились с нами вышедшие на ФСБ представители «стрелков».

По полученным данным, готовится нанесение удара по законсервированной Беларускай Атомной станции с целью спровоцировать крупную техногенную катастрофу, обвинить в ней руководство России и вызвать кризис. В своё время катастрофа на Чернобыльской АЭС, в сочетании с землетрясением в Армении, привели СССР к необходимости крупных заимствований у международных спекулянтов, что послужило важным фактором в крахе страны.

Сейчас готовится нечто подобное, но в гораздо больших масштабах – миллионные жертвы, огромная зона радиоактивного заражения и ультимативные требования «мировой

общественности» о демонтаже всех атомных станций России должны переломить экономический хребет страны, привести к её дезинтеграции и краху правительства. «Стрелков» использовали на начальной фазе подготовки теракта. В частности, «сталкеры» организации выполнили разведку объекта будущей акции, и подтвердили невозможность атаки на реактор обычными средствами. Однако, наши прибалтийские друзья вовсе не дураки, и понимают, чем грозят подобные игры, способные почти гарантированно погубить большую часть населения Прибалтики.

Эмиссары организации вышли на ФСБ с предложением мира и сотрудничества. Информация «стрелков» была проверена по каналам внешней разведки и не просто подтвердилась, но была существенно дополнена. Оказалось, что подготовка операции идёт полным ходом, и наиболее вероятным сценарием видится удар по реакторам с воздуха и использованием тактического ядерного заряда, призванного прошить стенку консервационного саркофага и вызвать детонацию активной зоны – четырёмсот тонн обогащённого урана. Ракетный удар отмечён по причинам слишком большой заметности – бомбардировку осуществит легкомоторный поршневый самолёт, не вызывающий подозрений.

И, что самое печальное, мы не знаем заказчиков. Тут, похоже, замешаны даже не правительства, для которых в предложенном сценарии рисков куда больше, чем любой прибыли, а крупный транснациональный капитал. Единственное,

что удалось выяснить нашему агенту до того, как его выявили, и он был вынужден покончить с собой, это факт связи организаторов будущего теракта с организаторами «Игр». Надеюсь, теперь всем ясно, зачем нам нужен выход на этих деятелей.

– Мда... Тогда вопросы и впрямь отпадают, промолвил литовец. Пойдёмте спать, господа офицеры. Завтра у нас трудный день.

Африканда.

Бункерная зона старинного аэродрома поражала размерами. Аэродром появился посреди заполярной тундры в годы Второй мировой войны для обеспечения защиты стратегического завода по обогащению титановой руды, добываемой в этих краях. Не менее важной задачей для базировавшихся тут истребителей быстро стало и прикрытие с воздуха полярных конвоев, направлявшихся к Мурманску.

Война кончилась, но забрасывать аэродром не стали. Более того – его расширили, обустроили посреди тундры огромную бетонную взлётку, могущую принять новые тяжёлые реактивные самолёты. Значение аэродрома многократно выросло, ведь над полюсом пролегал единственный маршрут, доступный стратегическим бомбардировщикам для удара по СССР с территории США.

Верно и обратное, потому нет ничего удивительного, что уже в 50-е годы в Африканде начали закладывать подземную бункерную зону, обеспечивающую «выживание» объекта в условиях вероятной атомной войны. Предполагалось, что здесь смогут совершить промежуточную посадку «стратеги», наносящие удар возмездия по американцам.

С началом ракетной эры Африканда ничуть не утратила значения, – теперь здесь базировались истребители и штур-

мовики противолодочной авиации, готовые перехватить вражеские авианосные группировки и подводные лодки, производящие пуски ядерных ракет из акватории Ледовитого океана. Едва заметные приметы тех времён сохранились в жилых помещениях базы и сейчас.

После развала СССР аэродром постепенно пришёл в упадок, был закрыт и заброшен титановый завод, расформировали и гвардейский авиаполк, прикрывавший северные рубежи России. Колоссальная многокилометровая взлётная полоса сопротивлялась суровой северной природе почти полсотни лет, но, без должного ухода, сдалась и растрескалась, а вот бункерная зона, рассчитанная на прямое попадание тактических ядерных зарядов, уцелела. Сейчас в одном из подземных ангаров техники готовили к полёту три очень странных, нелепо выглядящих самолётика, а в ближайших к ангару казармах обустроили временное жилище.

Поездка до аэродрома отняла у друзей целый день. Они арендовали в Мурманске на месяц выдавший виды УАЗик, якобы для охоты и рыбалки на многочисленных ручьях, пересекавших тундру. Потрёпанный вездеход остановился у одного из небольших холмов, расположенных вдоль взлётной полосы. Сейчас бок заросшего густым бурьяном холма разрезала широкая щель, за которой виднелся уходящий в глубину земли пологий пандус, явно рассчитанный на проезд самолёта. Сидевший за рулём Иван выпрыгнул на разогретый бетон и сделал несколько энергичных движений ру-

ками, разминаясь после долгой дороги. Остальные последовали примеру предводителя. Высокий платиновый блондин с правильными чертами лица с интересом заглянул в глубину освящённого редкими лампочками накаливания подземелья, и замер, поражённый открывшимся видом. Техники как раз сейчас готовили к вылету истребитель.

Уже неделю в бункерной зоне текла напряжённая жизнь. Сначала на базе появились три десятка серьёзных, явно представляющих единое воинское подразделение, мужчин прибалтийской внешности. Внимательный наблюдатель мог бы отметить, что разговаривали между собой прибывшие хоть и по-русски, но с едва уловимым акцентом, а порой в их речи пробивались явно иностранные слова на необычно звучащем языке. Обыватель, которому не повезло оказаться в окружении этих не в меру серьёзных парней, только одному из которых явно перевалило за 30, узнал бы в них представителей ультралевой террористической группировки «Литовские стрелки». Именно эти люди, лица которых вот уже несколько месяцев не сходили с экранов телевизоров, недавно устроили захват центральноевропейского узла связи в Лейпциге и целых полчаса транслировали обращение с запрещённым текстом манифеста коммунистической партии на всех языках мира.

Буквально через день приехали две тяжело гружёные фуры и бензовоз с весело гогочущей компанией смуглых горбоносых бородачей, разговаривающих явно не на русском языке.

ке. Это была группа чеченцев и дагестанцев, изрядно послонявшихся по миру, а недавно вернувшихся в Россию, сформированных в отряд и направленных сюда, на север одним очень уважаемым муфтием.

Вскоре подтянулись и другие люди, выглядевшие самым причудливым образом и менее всего похожие на военных, каковыми, тем не менее, многие из них являлись. Распоряжался на «объекте» высокий худой блондин несколько болезненного вида со сломанным носом. Звали его не иначе, как «товарищ Орбакас» и был он не просто чистокровным литовцем, а широко известным в узких кругах экстремистом, главой «Литовских стрелков», за голову которого в «свободном мире» была назначена солидная премия в миллион фунтов.

Помимо литовцев и дагестанцев, составивших костяк вновь сформированного гарнизона, на базе можно было заметить авантюристов из самых экзотических уголков света. Были тут арабы, и кенийцы, были двое прибывшихся к литовцам американцев из «Новых Ленинцев», и даже один ирокез, много лет назад отправившийся искать следы протоиндейцев, некогда достигших Америки, да так и осевший в России. На удивление, вся эта пёстрая компания работала очень дружно, и никаких дразг на базе не наблюдалось. Люди работали слаженно и увлечённо, чувствовалось, что все тут не просто зарабатывают деньги, а делают некое общее дело.

Навстречу Арвидасу Станкявичусу, а именно он и замер,

поражённый видом как раз сейчас поднимаемой из глубины подземелья машины, вышел начальник гарнизона Антанас Орбакас. Он явно знал пилота в лицо и приветствовал его на родном для обоих литовском языке. Звуки родной речи привели пилота в чувство, а предложение «прокатиться» на подготовленном специально для него самолёте вызвало неподдельный восторг. Как будто и не было тяжёлой поездки на разболтанном вездеходе через тундру. Арвидас чуть ли не бегом ринулся вслед за добродушно улыбающимся хозяином, быстро переделся в лётное обмундирование и буквально вскочил в тесную кабинку истребителя, уже занявшего стартовую позицию в начале недавно восстановленного участка взлёта.

Над тундрой раскатился оглушительный грохот реактивного двигателя, и маленький самолётик, лишь немногим больший, чем автомобиль, после совсем короткого разбега свечкой устремился в небо. Признаться, такой взлёт немало удивил и даже обеспокоил многих присутствующих, не понаслышке знакомых с возможностями авиации. Но истребитель не свалился в штопор, не перевернулся и не утратил устойчивости.

Под управлением опытного лётчика, МиГ-21Ф-13, а это был он, исчез в вышине, потом с грохотом протаял в небесной синеве, пикируя под невыслышимым отвесным углом, вышел из него примерно в километре над тундрой и выписал над базой полный комплекс фигур высшего пилотажа, после

чего пошёл на посадку.

Посмотреть на первый полёт вышло всё нынешнее население базы. Как покажет себя в полёте восстановленный древний истребитель? Не подведёт ли техника, давным-давно отслужившая своё? Сумеет ли обуздать норовистую машину лётчик, ранее никогда не сидевший в кабине именно этого истребителя, и сразу решивший испытать его на экстремальных режимах пилотирования?

Иные мысли были в голове у Ивана. Главный вопрос – откуда здесь вообще 21-й МиГ?! Разговор ведь шёл совсем о других машинах!

К счастью, всё обошлось. Арвидас выбрался из кабины, снял шлем и передал его восторженному технику. Его авторитет в среде этих профессиональных авантюристов здорово вырос, а литовцы обрели нового кумира. Впечатлил полёт и Ивана с Алексеем. Теперь и им нужно было слетать не хуже, иначе веры и безоговорочной помощи техников не достичь, а без этого почти невозможно участвовать в намеченном.

Полёты для всех начались на следующее утро. Вопрос с истребителями решился очень просто. 21-е оказались «наследством», найденным о одном из подземных ангаров. Не пропадать же добру! За неделю техники успели привести в порядок два МиГа, стоявших в подземном ангаре на глубокой консервации. Теперь, пока шла сборка специально изготовленных реплик старинных машин, лётчики смогли тренироваться на подлинно-древних самолётах. Самые массо-

вые в мировой истории реактивные истребители МиГ-21 не подкачали!

Пилоты летали на подобных машинах в виртуальных тренажёрах, но что может передать самый современный симулятор? Как передать вкус кислорода из системы жизнеобеспечения, вибрацию кресла пилота, установленного буквально «верхом» на мощном реактивном двигателе, а главное предельные, на грани прочности машины, перегрузки при пилотировании в реальном полёте? Ни один разработчик виртуальных симуляторов не заморачивался подобными мелочами, а они создавали то неповторимое ощущение подлинной жизни, которое заставляет кровь быстрее бежать по венам, подстёгивая реакции тела массированным выбросом адреналина.

Превзойти Арвидаса в пилотировании МиГа не удалось ни Ивану, ни Алексею. Выяснилось, что литовец давно был влюблён в этот маленький истребитель, познакомившись с ним на тренажёрах и даже совершив несколько реальных полётов у реставраторов старинной техники. Вот только там за резкое пилотирование драгоценной машины могли и руки оторвать. Зато теперь пилот развернулся во всей красе! Кажалось, что двадцать первый просто продолжение его тела, и не раз он побеждал даже в учебных схватках против куда более серьёзного соперника МиГ-29, на котором начал подготовку Иван. Два друга вылетали на дуэли минимум трижды в день, имели своих поклонников на земле, но однозначного

первенства не мог добиться ни один из них.

А вот Алексей практически забыл о реактивной авиации на следующий же день после того, как двое дагестанских техников, Мага и Шота, выкатили из ангара любовно собранный И-1. Это было их совместное детище – проект, осуществления которого два страстных любителя истории авиации добивались много лет, а теперь вынуждены были передать в руки малознакомого русского пилота. Не стоит и говорить, с какой ревностью они следили за первыми рулёмками и подлётами истребителя.

Первый серийный истребитель СССР не был выдающейся машиной. Потом, значительно позже, его создатель Николай Николаевич Поликарпов обретёт негласный титул «короля истребителей», но в 1922 году, работая над первой боевой машиной, он был молод и неопытен. И тем не менее... Видимо была у авиаконструктора искра божественного таланта, позволившая в первом же самолёте добиться очень и очень неплохих результатов. И не вина конструктора, что серийные самолёты из-за низкой квалификации рабочих получились много хуже прототипа, а закулисные интриги в руководстве авиапрома сорвали выпуск и совершенствование машины.

Зато вот этот, конкретный, истребитель был хорош! Изготовленные на современном станочном оборудовании и тщательно отрегулированные планер и двигатель резко повышали его боевые возможности. Двигатель в точности соответствовал древним чертежам. Но качество ручной сборки из

прецизионно вырезанных на современном станке деталей, а также нормальные качественные бензин и масло сделали своё дело! На пробе мотор показал 570 лошадиных сил вместо исходных 400 прототипа М-5. А моторесурс занимавшийся мотором Магомед Альбориев обещал никак не меньше тысячи часов.

Тоже и с планером. Всё в полном соответствии с чертежами и технологией, но дюраль для деталей брался современный особопрочный, отливался и резался с точностью до микрона, потому вместо привычного перевеса появился выигрыш в весе конструкции и при большей, нежели у прототипа, прочности. Ашот Вартанян, техник по планеру и общим системам, лично разработавший и собравший этот великолепный образчик древнего самолёта, клялся, что его детище выдержит перегрузки вдвое от расчётных.

Вообще, выяснилось, что древние винтовые машины обладают просто фантастической манёвренностью и способны крутиться в воздухе чуть ли не на месте, не говоря уже о возможности посадки куда угодно даже при отказе двигателя! Скоро у каждого из лётчиков появились свои поклонники среди гарнизона и два месяца подготовки пролетели как один день.

Пришедшее на электронную почту и доставленное курьером из Мурманска сообщение с условиями предстоящих поединков стало для лётчиков неожиданностью. Как-то они и забыли, для чего же приехали в этот далёкий край, оказав-

шийся настолько дружелюбным. Первым должен был сражаться Алексей, почти сразу следом Иван, а вот Арвидаса с его уникальным аэропланом пригласили не куда-нибудь а в добрую старую Англию. Оказалось, что судно за ним уже в пути к Мурманску, но всё равно – его схватка откладывалась.

Дебют.

К сердцу Господь приложил печать

Пламя и лёд!

Печальна участь моя скучать

По той что не ждёт!

По той, что не напишет сама

Ко мне и двух строк!

Когда я совсем уже без ума

Когда одинок!

Над лесом разливается музыка, сквозь ветви деревьев можно различить проблески огня. Вполне можно подумать, что на опушке леса сейчас расположилась очередная группа весёлых туристов, сплавляющихся по Оке и решивших остановиться на ночлег в этом живописном уголке. Но это только на первый взгляд. Более внимательный наблюдатель увидит на самой опушке старого леса странное мерцание, характерное для современных армейских маскировочных голографических систем прикрытия бронетехники.

Но под голографическими колпаками не танки. Там притаились два очень необычных самолёта. Защита вполне достаточна от не слишком хорошо оснащённых патрульных беспилотников лесоохраны, и самолёты в полной безопасности. Утром их привезли сюда по реке на старой, затра-

пезного вида несамходной барже, «оторвавшейся от буксира» и приткнувшейся к живописному пляжу. Спутникового наблюдения хозяевам баржи опасаться не приходилось, выгрузка груза прошла быстро, и скоро снятая с мели баржа продолжила следовать по согласованному маршруту, лишь с небольшим опозданием доставив в Нижний Новгород три тысячи тонн донбасского антрацита.

Весь день ушёл на сборку техники, проверку многочисленных систем, заправку емкостей техническими жидкостями и подготовку самолётов к вылету. К вечеру все, участвовавшие в операции, вымотались и устроились на отдых вокруг трёх больших костров. Прямо на траве разложили сиденья нескольких подъехавших сюда машин, из переносных холодильников появились соответствующие напитки, а на шампурах завертелся источающий умопомрачительный аромат бараний шашлык. Среди техников были признанные мастера шашлычного дела Мага из Дербента и Шота из Унцукуля, давно оспаривающие неофициальный титул лучшего шашлычника Дагестана, где оба, правда, давно не показывались. За третьим костром говорили на немецком и блюда готовились соответствующие: жаренные колбаски аппетитно пахли чесноком, в большом котле тушилась капуста, из герметичных пакетов появились бретцели, а в водах реки уже несколько часов охлаждались несколько ящиков превосходного баварского тёмного.

Скоро по рукам пошли фляги и бутылки, люди спокойно

перемещались между кострами. Среди техников царила всеобщая благожелательность и довольство проделанной работой. С последними лучами солнца запела гитара, и нестройный хор дружно затянул новый хит популярной белорусской группы «Грэзы Донкихота».

Только двое не могли позволить себе расслабиться этим вечером. Пилоты. Им нужно было хорошенько выспаться, ведь наутро должно свершиться главное действие, ради которого в глухих приокских лесах собрались не только эти полсотни человек, но и гораздо большее число зрителей, рассчитывающих на захватывающее зрелище. И они его получат! Вполне возможно, одному, а то и обоим пилотам завтра не жить, ведь заказчик оплачивает только настоящие смертельные схватки.

Очень, очень правильно сейчас залезть поглубже в спальник, заткнуть уши берушами, и уснуть до рассвета. Вон, Гунтер Бюллов из Мюнхена уже спокойно похрапывает, а Алексей не может.

Он уже устроился в спальном мешке, когда над поляной разнеслись первые аккорды и техники нестройно запели полюбившиеся за время тренировок в Африканде песни. Сперва было даже приятно, но потом...потом зазвучала песня, слова которой резанули по душе, так они соответствовали его нынешнему состоянию.

Когда от холода и огня,
Хоть волком завой!

Она совсем не слышит меня,

А я ведь живой!

Сон пропал, на сердце стало погано, и лётчик отправился бродить по лесу. Сейчас было важно просто уйти отсюда, неважно куда, лишь бы не слышать, не видеть и не вспоминать... А в лесу было диво как хорошо! Полная луна и «алмазная пыль» окружающих планету обломков давали достаточно света, чтобы не спотыкаться о попадающиеся под ноги коряги, влажный прохладный воздух, пахнувший прошлогодней палой листвой, до краёв наполнял лёгкие, а звуки ночного леса успокаивали напряжённые нервы как ничто другое. Когда через два часа пилот вернулся в лагерь, веселье поутихло, и Алексей теперь уже спокойно отправился спать.

Ранее осеннее утро встретило покрывшей всё и всех холодной росой и тучами уже проснувшихся комаров. Пробуждение получилось не самым приятным, тем более, что голова у Алексея побаливала, ведь поспать удалось не больше четырёх часов. Но сейчас поздно рассуждать о прошедшем – впереди бой!

Вон, соперник по предстоящему поединку уже склонился над тазиком с водой, из которого с видимым удовольствием умывается, готовясь бриться. Лицо у немца весёлое, добродушное, нет в нём ни ненависти, ни призрения, а лишь доброжелательность ко всем вокруг и спокойная уверенность в себе. Видно, что человек это достойный, с каким, в иных обстоятельствах, неплохо бы и подружиться. Что ж, он поста-

рается не убивать приятного незнакомца, о котором пока известно только имя, да и то не факт, что подлинное. Надо и самому не ударить в грязь лицом, не мандражить, тем более машинка у него прекрасная.

Час подготовки к вылету пролетел как минута, и вот уже оглушительно тарахтят древние моторы, изрыгая из коротких выхлопных патрубков густой дым и тёмные языки пламени. Первым на взлёт пошёл немец – это было прописано в условиях поединка. Его «Хенкель-51» имел явное преимущество как по времени разработки, по тактико-техническим характеристикам, и даже по квалифицированным экспертным оценкам. Пожалуй, в победу Алексея сегодня верил только он сам, да два дагестанских техника, готовившие его самолёт к вылету.

Длинноносый биплан с немецкими крестами на крыльях исчезает с восточной стороны горизонта, и наступает его время. Высокое шасси плохо амортизирует удары от неровностей, крохотный ветрозащитный козырёк совершенно не защищает от набегающего потока воздуха, но всё это уже привычно. Важно другое: свободнонесущий моноплан, первое детище знаменитого Поликарпова, прекрасно слушается рулей и обладает потрясающей маневренностью, кое в чём превосходящей даже бипланы.

Вот самолётик, явно значительно уступающий сопернику в размерах, резко набирает высоту, закладывает крутой вираж и уходит на запад. За всем этим с пока достаточно вя-

лым любопытством наблюдают с трёх подошедших сюда теплоходов и с нескольких площадок, уставленных автомобилями. На палубах теплоходов и на лесной опушке смонтированы большие экраны, на которые ведётся трансляция с многочисленных поднятых в воздух беспилотников. У экранов толпой стоят брокеры, принимающие ставки.

Над лесом раздаётся низкий гул моторов, и вскоре наблюдатели с удовольствием могут видеть появление обоих соперников. Две точки быстро превращаются в оглушительно ревущие моторами истребители. Вот красивый биплан делает изящную полубочку и от него к маленькому моноплану тянутся две красные трассы выстрелов. Солидный господин на верхней палубе теплохода «Ока», приехавший сюда из Баварии, чтобы насладиться очередной победой своего любимца, довольно потирает руки. Он поставил крупную сумму на победу немца в течение первых 15 минут схватки.

Ко всеобщему удивлению, маленький самолётик вовсе не сыпется на землю грудой обломков, а делает резкий кульбит, который трудно назвать фигурой пилотажа, и оказывается на хвосте уже считавшего себя победителем немца. Теперь трассы русских пулемётов тонут в бипланной коробке крыльев противника, но за штурвалом Хенкеля настоящий ас. Он выводит повреждённый, но отнюдь не побеждённый, истребитель из-под огня. Спустя минуту биплан начинает резко набирать высоту. Моноплан тоже устремляется вверх, но видно, что он существенно уступает противнику в скоро-

подъёмности.

Над палубами и на опушке леса рёв обезумевшей толпы перекрывает стихающий рёв моторов. Рвут на себе волосы поставившие на победу немца с одной очереди, ликуют те, кто ставил на долгую красивую игру немецкой кошки с русской мышкой. На победу русского сделано всего три ставки, на ничью – две.

Самолёты не расходятся далеко – это невыгодно ни одному из лётчиков. Набрав высоту в две тысячи метров, немец разворачивается и заходит противнику в лоб. Пилот уверен в себе, его ничуть не обескуражила резвость противника и то, что тот сумел добиться нескольких попаданий. Самолёт прочный, во время войны в Испании его братья выдерживали и не такое, а ведь им противостояли куда более совершенные машины, чем этот нелепый маленький моноплан. Гунтер видел, что самолёт противника также повреждён и верил, что обмен очередями был в его пользу, лишь усилив и без того решающее превосходство немецкой машины. Вот сейчас он сблизится на пистолетный выстрел и расстреляет русского в два пулемёта.

В кабине моноплана Алексей был далеко не так спокоен. Его самолёт почти не пострадал, но одна из пуль задела за левую руку и теперь рукав лётной куртки стремительно намокал. Кость задета не была, рука слушалась, и даже боли на адреналине почти не чувствовалось, но совсем скоро даст себя знать потеря крови, и тогда он из лёгкой добычи ино-

странца, оказавшегося настоящим асом, превратится в совсем уже беспомощную жертву. Пожалуй, у него не остаётся другого выбора, кроме как попробовать придуманный в северном небе Африканды трюк.

Схватка в небе над Окой затягивалась, русский уклонился от лобовой атаки, поднырнув под хвост противника, а затем уйдя в резкое кабрирование. По моноплану вновь прошлись трассы немецких пулемётов, но он не рухнул и сейчас набирал высоту, явно готовясь к атаке, пока немец разворачивается. Понятно, что ничего у наглеца не получится, ведь биплан скороподъёмнее, вот он уже висит у русского на хвосте и готовится открыть огонь, сближаясь на предельно малую дистанцию, чтобы наверняка покончить с оказавшимся неожиданно живучим противником.

Толпа прильнула к экранам и биноклям, ожидая кровавого финала, но... Но русский опять обманул! За секунду до того, как биплан открыл огонь, маленький самолётик сменил плавный набор высоты резким пикированием под почти немислимым углом, и очередная трасса прошла мимо. Немцу ничего не оставалось, как устремиться за противником, поливая того из всех пулемётов. Вот обе машины стремительно несутся к земле, видно, что моноплан потихоньку отрывается от противника, но пулемётные трассы, наконец, находят цель и отсекают наглецу стабилизатор. Маленький самолётик разваливается в воздухе, и над лесом распускается купол парашюта.

Часть толпы начинает ликовать и улюлюкать, но другие, те, которые смотрят на второй экран, в шоке: победитель не пережил жертвы! Крупный план транслирует, как несущийся к земле биплан с крестами на крыльях содрогается от выстрелов собственных пулемётов. Предельно напряжённые крылья, ослабленные попаданием нескольких русских пуль, складываются, и пикирование переходит в беспорядочное падение на землю того, что совсем недавно было истребителем, а над ними парит купол второго парашюта.

Назвать то, что испытала толпа шоком – слишком слабо! Такого развития событий не ожидал никто. Признанный ас не проиграл, но и победа получилась совсем не такой, на которую рассчитывали зрители. Зрелище безусловно получилось захватывающим, но что теперь будет со ставками? Понятно, что русский не победил, но ведь возможна ничья, а это, для многих присутствующих, потеря немалых денег. Наконец, брокеры получили указания от организаторов – победа присуждалась свободному пилоту Гунтеру Бюллову. Толпа облегчённо выдохнула. Потеряли ставки только самые жадные, ставившие на мгновенную победу немца, но таких было немного, и даже сами они не слишком расстроились. В конце концов, зрелище получилось захватывающим.

Клуб.

Вечером в зале маленького, но очень уютного кафе «Тарусское время», собрались трое. Зал был украшен сотнями самых разных часов от древних ходиков до фантастически выглядящего молекулярного хронометра, найденного хозяином заведения на городской свалке, куда его выкинули нерасторопные сотрудники расположенного неподалёку Института Космических Исследований. Рыжий мужчина с холёным лицом очень правильных форм, устроившийся напротив выглядящего весьма потрёпанным мужика с рукой на перевязи на часы не смотрел. Казалось, всё его внимание поглотила официантка, у которой он на безупречном русском языке, в котором лишь с трудом можно было угадать едва уловимый акцент, попытался заказать хорошего баварского пива.

Потерпев закономерное фиаско, иностранец, назвавшийся Патриком Митчелом, согласился на единственно-имевшееся «Жигулёвское барное», и обратился к товарищам.

– Господа, поздравляю! Два часа назад со мной связался организатор игр и сообщил вердикт: вы принимаетесь в закрытый клуб профессиональных игроков.

В ответ на недоумённые взгляды собеседников Патрик строил значительное лицо и продолжил.

– Право на участие в играх есть у каждого пилота, готового рискнуть собственной жизнью и личным самолётом. Об этом открыто сообщается повсюду. Но игра есть игра. Она должна приносить прибыль, и организатору ни к чему ни скучные схватки пилотов-неумех, ни их же глупые неэффективные смерти. Первую схватку с претендентом всегда проводит опытный пилот, член «закрытого клуба». Мы не стремимся никого убивать, и в отборочных схватках почти не бывает летальных исходов.

В случае с вами, Алексей, это был Гунтер Бюллов, соперником Ивана оказался Рональд Джексон. Рональд очень занятой человек, и был вынужден уехать сразу после поединка, но свою оценку он предъявил, и она положительная.

Наша задача – выявить потенциал новичков и аккуратно «посадить» их. Значение имеет время, которое продержится новичок, и тот класс пилотажа, который он успеет показать до неизбежного поражения. Умный неумеха поймёт, что едва избежал гибели и больше не полезет, дурак с каждым следующим разом будет всё ближе к могиле, да и потери в матчасти у него будут выше. Ведь во время первого поединка инструктор старается лишь повредить, но не уничтожить самолёт противника, как это было с вами, Алексей, когда ни первой, ни второй очередью Гунтер не стал ни убивать вас, ни критически повреждать самолёт. Во второй схватке самолёты обычно повреждаются без возможности восстановления. Если тупоголовый выйдет на третий бой, против его

условной этажерки просто напросто вылетит столь же условный реактивный истребитель.

Тем, кто хорошо проявил себя в отборе, а таких, увы, немного, предлагается вступление в «клуб». Член клуба получает не фиксированное вознаграждение, а процент со сборов от схватки, и гарантии, что во всех клубных поединках уровень техники будет сопоставимым. Такого, как было с вами, Алексей, когда машина противника была разработана чуть ли не эпохой позже и имела превосходство по всем параметрам, не допускается. Клубные техники и агенты по снабжению помогут с приобретением запчастей и самолётов. В частности, у вас будет доступ к хранилищам законсервированной авиатехники армии США и других стран. Возможна аренда самолётов из постоянно пополняемой клубной коллекции на единых правах для всех членов клуба.

Со своей стороны вы обязуетесь тестировать новичков, проявляя максимальную гуманность, участвовать в играх не менее трёх раз в год и платить клубные взносы в размере десяти процентов гонорара. Второго предложения не будет. Вы вольны остаться частными пилотами, доступ к играм вам теперь открыт на равных правах в полном соответствии с правилами, но и гарантий вы никаких не получите. Подумайте, господа, можете посоветоваться, и сообщить мне ваше решение к концу этого ужина.

Иностранец, казалось, потерял интерес к собеседникам, которыми были Иван Белов и Алексей Варламов. Алексей

за прошедший день получил необходимую медицинскую помощь и успел обдумать характер прошедшего поединка, а Иван прибыл только что – его схватка с англичанином состоялась накануне в нейтральных водах Баренцева моря. Судьи засчитали русскому поражение. Его МиГ-29 был серьёзно повреждён «Раптором» английского пилота даже не вошедшим в зону досягаемости оружия своего противника.

Уже по прилёте на Африканду русского пилота ждало сообщение от организаторов игр с настоятельным предложением явиться на следующий день к вечеру в город Таруса для встречи.

Пилоты удивлённо переглянулись. Слова их собеседника весьма и весьма расходились с тем, что они знали об «играх». Было совершенно достоверно установлено, что ложной гуманностью организаторы этого зрелища не страдают – значительную часть дохода они получали именно от не вполне психически уравновешенных зрителей, готовых платить огромные деньги именно за право поглядеть и пощупать обломки настоящего, только что сбитого самолёта, со свежим трупом убитого пилота. Да и схватка Ивана, когда его просто расстреляли сразу несколькими ракетами дальнего действия, прямо скажем, не соответствовала «простой посадке» новичка на землю.

Похоже, их принимали за лохов в большой и грязной игре. Но и отметать с ходу подобные предложения не стоило. Ведь они внедрялись в число участников со вполне определённой

целью. Их хотят использовать втёмную? Что ж, вполне вероятно, это именно то, что им необходимо. Не стоит удивляться, что перемигнувшись, русские лётчики с удовольствием приняли предложение. Первая цель операции по внедрению в организацию была выполнена. Теперь дело за малым – вычислить руководство и идейных вдохновителей бесчеловечных игр!

После получения принципиального согласия, разговор пошёл ещё интереснее. Оказалось, что «вот как раз именно сейчас» для привлечения дополнительных средств решено организовать не совсем типичные для «игр», но многообещающие групповые бои. И для того, чтобы стать «действительными» членами клуба нужно доказать мастерство, участвовав в ряде подобных мероприятий. Патрик не сомневался, что и третий их товарищ, чья первая схватка пройдёт уже на следующей неделе, проявит себя наилучшим образом и станет частью их «маленького, но такого дружного коллектива».

Вообще – слова «Патрика» звучали очень логично. Публике порядком поднадоели одиночные дуэли, хотелось больше зрелищности и подобное предложение от организаторов однозначно встретило бы поддержку. Иван даже засомневался, точно ли ему лгут. Ещё он пытался определить национальность собеседника, но это никак не получалось, несмотря на богатый опыт общения с иностранцами. На имя ориентироваться не стоило – имя, скорее всего, фальшив-

ка. Рыжие волосы, так характерные для ирландца вполне могли быть покрашены, для лучшего соответствия образу, а вот длинное, холёное лицо собеседника... было в нём нечто очень узнаваемое, но ускользающее от понимания...

Но Бог с ней с национальностью! Было в облике этого человека нечто буквально пугающее. И тут Ивана осенило! Взгляд! Взгляд человека, смотрящего на окружающих даже не с высоты положения, а как на пустое место. Губы Патрика улыбались, обнажая ровный ряд безупречных зубов, кожа собиралась в морщинки, изображая чуждую русскому человеку, но знакомую западноевропейскую мимику, но глаза... Глаза оставались безучастны. Патрик не воспринимал окружающих, как равных – он вообще не воспринимал их как людей. Для этого человека собеседники были просто биомассой.

Такой взгляд Иван видел лишь однажды, но запомнил на всю жизнь. Давно, ещё во время самого начала практической работы в третьем отряде космонавтов, ему пришлось посетить колонию для особо опасных преступников. Там он более месяца общался с достаточно интересным персонажем – пожилым профессиональным киллером, который двадцать лет назад работал на одного из коррумпированных генералов ФСБ. Обстановка в стране всё более смещалась в сторону законности, старый, опытный генерал ощущал, как качается под ним кресло и понял, что пора зачищать концы. И у него был надёжный исполнитель.

Родился Витюша Остапенко на независимой тогда Украине в тот самый период, когда она активно готовилась к войне с Россией. В детстве мальчик проходил подготовку на базе нацбатальона «Кракен», готовился к организации терактов и до конца боевых действий успел поучаствовать в ряде эпизодов по уничтожению военнопленных. Огромное количество насилия, боли и крови превратили подростка в настоящего отморозка, но не лишили его природного ума. Витюша не просто прикинулся обычным мальчиком – он перебрался под видом беженца в Россию, а чтобы начисто вырваться из-под влияния бывших кураторов, «исполнил» всех, кого знал из украинского подполья. На беду или счастье, опыта у Витюши было мало, и он попался.

Курирующий районный отдел ФСБ майор оценил потенциал попавшего в его руки подростка, выдал Витюше новые документы, обеспечил над ним контроль и заставил работать на себя. Майор активно «курировал» местный бизнес, бурно растущий на фоне политики импортозамещения, и услуги надёжного киллера были неоценимы.

Шли годы, майор стал генералом, почти всесильным в далёком автономном округе, а его верный помощник Витюша – солидным молодым человеком. И вот настал момент истины. Генерал ощутил «в сферах» движение и решил окончательно зачистить тылы. Вот только главный из «тылов» отчётливо понял, что ему в предложенных обстоятельствах не жить, и сам вышел на руководство своего шефа.

Он даже выторговал себе малый срок заключения во вполне приличных условиях, но на зоне не удержался: слишком глубоко укоренилась привычка решать проблемы силовым путём. За первый год заключения Виктор убил четверых, окончательно вывел из себя руководство колонии, и получил пожизненное заключение.

Так вот, одним из первых практических заданий молодого практиканта третьего отряда космонавтов Ивана Белова был свободный поиск в архивах Новосибирского ракетного кластера. Ничего интересного он там найти не ожидал и отправился в далёкий город как в наказание. Буквально на второй день по предъявлении руководству предприятия соответствующего карт-бланша его попытались подкупить. В принципе, нечто подобное ожидалось, а Иван не имел целью распутывать финансовые махинации руководителей стратегического производства, отлично понимая, что без некоторых из них, увы, не обойтись. Откровенная беседа с директором, во время которой космонавт его успокоил, мигом изменила настороженное отношение и открыла ему доступ к интересующим материалам. И вот тут-то началось!

Если материалы последних лет находились в относительно порядке, то ранняя история завода была окутана поистине мистическим мраком. Да что там ранняя! Беспорядок начинался уже среди документов десятилетней давности, и увеличивался в геометрической прогрессии! Часть архивов была уничтожена, другая, включая рабочие чертежи некото-

рых перспективных разработок, пропала без следа, а почти все оставшиеся документы находились в таком беспорядке, что найти в них было почти ничего невозможно!

Но всё же, Ивану удалось найти кое-что интересное. Оставшиеся в архиве справки-заменители неопровержимо указывали на группу лиц, вынесших с предприятия часть секретной документации, впоследствии исчезнувшей без следа. Пробив данных лиц по базе ФСБ, Иван выяснил, что все эти люди стали жертвами криминальных разборок двадцатилетней давности, документы найдены не были. Следователи сочли, что секретная документация ушла за границу, и закрыли дело.

Но! Теперь, спустя время, становилось ясно, что описанные в тех документах технологии, в частности, техпроцесс получения сверхчистого графена в промышленных масштабах, в мировой промышленности не появились! А значит, вполне возможно, что не потерявшие актуальности архивы где-то лежат и ждут своего часа.

Так же выяснилось, что исполнителем по трём из пяти заказных убийств был один и тот же киллер, ныне отбывающий пожизненное заключение в оренбургской колонии особо строгого режима. Так Иван познакомился с особо опасным преступником Виктором Остапенко.

И именно у этого, отмороженного на всю голову киллера, на счету которого было более сотни смертей, он увидел глаза, точь-в-точь похожие на те, что имел неудовольствие ли-

цезреть сейчас. Отвлёкшийся на воспоминания лётчик вернулся к разговору вовремя. Похоже, начиналось самое интересное.

Митчел предложил им троим участвовать в операции по сопровождении бомбардировщика времён Второй мировой войны А-20. Атаковать машину будут трое пилотов на соответствующих времени аппаратах. Задача – пройти по маршруту. Если бомбовоз долетит до цели – они победили. Награда – по десять тысяч фунтов за участие и по сто в случае победы. И главное – полнейшая секретность! Это настолько было похоже на то, чего оба лётчика ждали, что вызвало подозрение в подставе. Но и отвергать предложение было нельзя! Детали договорились обсудить после схватки Арвидаса, когда он подтвердит своё участие в новой команде, а сейчас друзья с удовольствием распрощались с неприятным типом и отправились в гостиницу.

Закрытый показ

Над Верхним Чампфлауэром в графстве Сомерсет нависло серое студёное небо. С севера над заливными лугами дует пронизывающий ветер, он поднимается все выше к пашне, затем еще выше, достигая бескрайних торфяников, вдоль нижней границы которых по низине тянется роща, называемая Рамболдс Горс.

У рощи виднеются десятка два верховых, чья уверенная посадка в седле изобличает в них аристократов из старых английских семей. Всадники, многие из которых вооружены далеко не рядовыми винтовками, а один, вырядившийся в малиновый жакет господин, имеет с собой настоящий арбалет, с увлечением смотрят, как гончие мистера Сэвила пробиваются через кустарник и бурые заросли папоротника.

Дело идёт неспешно: собаки то и дело теряют лисий след, охотники весьма часто прикладываются к фляжкам. Продрогшие люди дышат на озябшие ладони и разглядывают простирающийся внизу пейзаж: башни и колокольни Верхнего, Среднего, Нижнего и Сэвилского Чампфлауэра, шесть или семь разбросанных по долине особняков, холмы, похожие на горбатые спины прячущихся друг за друга китов, и свинцовое море, виднеющееся вдали.

Всё это – частное владение семейства Сэвил, куда ни один

посторонний не то что попасть, но даже приблизиться не имеет никакой возможности. Тут не действует глупых, по мнению хозяина, законов, тут и только тут во всей Англии возможна настоящая охота на настоящих диких животных и прочие развлечения «истинных джентльменов». А иные сюда и не попадают!

Долина – последний уголок «доброй старой Англии», тщательно оберегаемой «хозяевами денег» в качестве собственного рекреационного центра. Здесь в обычае иметь верных слуг, ездить верхом и общаться без использования электронных гаджетов. Вообще, гостям мистера Сэвила рекомендуется сдавать всю электронику при въезде на территорию его владений, за чем следит тщательно обученная служба безопасности.

Поле невелико, и почти все охотники между собой на короткой ноге: полдюжины учеников выпускного курса Оксфорда, приехавших погостить в имение однокашника, несколько джентльменов из Чампфлауэра и соседних приходов, два офицера иррегулярных частей из пришедшего в упадок лагеря в Рейнсфорде. Тут же мистер Бертонвуд, который, несмотря на свой насморк, вышел на охоту в надежде краешком глаза увидеть миссис Сент-Джон, а также доктор Лайтнинг в шляпе, подвязанной шарфом к подбородку. Отправляясь на вызов, он позволил себе ненадолго изменить клятве Гиппократа, будучи не в силах устоять перед звуками охотничьего рожка.

Сейчас, когда собаки сбились со следа и первый азарт приугас, доктора мучила совесть. Время от времени он поглаживал на окутанное стылým воздухом пространство, отделяющее его от рощи, за которой в нескольких милях находилось имение Мейпс Корт, где его поджидала занедужившая миссис Рамсботтом.

Ветер обдувал длинный склон холма; далекие облака чередой проплывали по небу. Крупный гунтер организовавшего охоту сэра Джека Сэвила то и дело прядал ушами. Эта гнедая лошадь, его последнее приобретение, была крепко сбита и вполне подходила всаднику, весившему под две с половиной сотни фунтов. Охоту это животное не жаловало и, подобно многим меринам, большую часть времени горевало по своему утраченному жеребьячьему достоинству.

Оглянувшись, Джек увидел на поле новых всадников. По краю пашни скакали девушка и грум. Грум ехал на невысокой, коренастой лошадке, юная леди – на хорошенькой породистой гнедой кобылке. Когда они добрались до изгороди, отделявшей поле от склона, грум спрыгнул с лошади, чтобы открыть ворота, но всадница не стала дожидаться и легко перемахнула через препятствие. Тут из рощи донесся азартный собачий визг, предвещавший оживление застопорившейся было охоты.

Проскользнув под изгородь, лиса цвета опавших листьев, крадучись, пробежала мимо и бросилась в сторону пашни. Лошади наострили уши, поворачивая их следом за лисой.

Когда зверь стал отчетливо виден, Джек привстал в стремени, приподнял шляпу и закричал так, будто ему нужно было перекрыть гул реактивного двигателя, отчего его гунтер прынул в сторону. Раздался звук охотничьего рожка, и отовсюду из зарослей горохом посыпались гончие. Взяв уводящий к укромной ложине след, свора кинулась по стерне наперерез лисе, заливаясь лаем – лучшей музыкой для охотничьих ушей.

Джек сызмальства знал толк в лисьей охоте: в этой джентльменской забаве ему нравилось все, от первого звука рожка до едкого запаха затравленной лисы. Однако, несмотря на то, что он слыл одним из главных специалистов по охоте в королевстве, после сорока начинали сказываться годы, а ведь две трети жизни мистеру Сэвилу пришлось провести в офисе, и в седле он держался уже не столь уверенно, как десять лет назад.

Внезапно шум охоты затих, перекрытый разнёсшимся над лесом быстро нарастающим стрёкотом ротативных моторов. Из леса вылетела молодая гончая и с недоумением уставилась в открытое пространство. Сэр Говард Грин, приехавший сюда покрасоваться новым приобретением своей бесподобной коллекции – арбалетом XV века, отъехал от непролазных зарослей терновника и, задрав голову, стал следить за небом. Его примеру последовали и все остальные охотники. Предоставленная сама себе лиса ускользнула, но это более никого не заботило – началось главное представление сего-

дняшнего дня.

Первым в небе показался очень изящный самолёт, чей вид вызвал у присутствующих приступ законной гордости за родную страну. Расчалочный полторастоечный биплан безошибочно был опознан присутствующими как один из лучших английских истребителей времён Первой мировой войны Сопвич «Пап». В своё время появление этого «щенка» буквально спасло королевские ВВС, значительно уступавшие как противникам, так и союзникам. Творение фирмы Сопвич получилось на редкость удачным: новый истребитель за счёт великолепной аэродинамики и качественного мотора развивал достойную для 1916 года скорость в 179км/ч и был исключительно манёвренным. При сражениях с немецкими «Альбатросами» выяснилось, что лёгкий английский истребитель успевал сделать два манёвра на один немецкий. «Пап» вернул английским лётчикам веру в свои машины, а нации – престиж.

Сейчас, во второй половине XXI века английский «щенок» готовился на потеху публике порвать на лоскуты неуклюжего русского медведя. Для поединка был назначен 1916 год, и собравшаяся публика была уверена в победе своего лётчика. Правда, медведь был не совсем русским: на самолёте Сикорский С-16 выступал лётчик литовского происхождения Арвидас Станкявичус.

Наводивший по служебной необходимости соответствующие справки о допущенных на подконтрольный объект на-

чальник службы безопасности мистера Сэвила полковник Абу Файе мог бы рассказать о нём много интересного. Так, были достоверно установлены связи пилота с радикальной террористической организацией «Литовские стрелки», действия которой резко активизировались в кризисные годы, наступившие после блокировки космоса. Сейчас «стрелки» наняли целую команду классных лётчиков, уволенных из ВКС России и отряда космонавтов для того, чтобы освоить новый для себя источник дохода и пополнения рекрутского состава из числа фанатов новых гладиаторских боёв. Тут требовался яркий и мощный старт, и один из русских его уже обеспечил, проведя незаурядный бой с известным немецким асом Гунтером фон Бюллоу. Что ж, как сказал господин Сэвил, литовские радикалы могут оказаться полезными Англии. Не стоит лишать их этого источника «карманных денег», особенно если они поспособствуют раскрутке игр. Осталось посмотреть, так ли хорош литовец, как его русские товарищи, хотя машину он для своих подвигов выбрал, руководствуясь ложным патриотизмом, не лучшую.

«Сикорский маленький», как в войсках называли первый серийный русский истребитель С-16, и впрямь не представлял собой в 1916 году выдающейся машины. Более того, к указанному году он безнадёжно устарел, и не был способен на равных сражаться с противником. Об этом говорили все без исключения изученные организаторами игр факты боевого применения русской машины.

Правда, одержимый литовец настоял, чтобы на его экземпляре был установлен патриотичный двигатель «Калеп», под который изначально и проектировал свой самолёт Игорь Сикорский. Но ведь сама история доказала, что на серийных самолётах пришлось ставить французские «Гномы», а значит «Калеп» не мог быть лучше. Так что тревоги этот мелкий факт у организаторов не вызвал, а зря.

Арвидас сел за штурвал истребителя в половину десятого утра. Мерзкая погода, в сочетании с открытой кабиной истребителя, заставляли утепляться по полной. Болела голова, и радовало только то, что предстоящий бой вряд ли будет долгим. Двигатель завёлся легко, в самом буквальном смысле слова с пол оборота винта. Прогрев также не занял много времени, и скоро вибрации от работы мотора успокоились – движок вышел на режим. Удерживаемый техниками, С-16 медленно покотился по лугу, назначенному для старта. Лётчик добавил газу, мотор взревел на взлётном форсаже, и техники отпустили законцовки крыльев.

Он до сих пор не мог привыкнуть к этим самолётам! Ну как, как возможно взлетать на скорости 45 км/ч?! Да ещё и с неровного поля! Но нет ничего невозможного. Проходят буквально секунды, и тряска от езды по заросшему не слишком высокой травой лужку исчезает – отрыв! Теперь штурвал на себя и вверх – зона боя в десяти километрах. Пронизывающий ветер в лицо, от которого плохо защищают крохотный козырёк кабины и лётные очки. Под крыльями гу-

стой лес – необычно для Англии, но, говорят, это огромное частное владение, в котором хозяину наплевать на перенаселённость и прочие прелести современного мира. А вот и «зона боя». На поле внизу группа всадников, а в небе уже кружит противник – легендарный английский истребитель Сопвич «Пап». Что ж, поиграемся с «щенком» по правилам той ещё войны!

Закружившаяся в небе карусель в полной мере захватила внимание зрителей. Ни один из противников не мог получить сколь-нибудь значительного преимущества! «Русский медведь» оказался столь же вертлявым, как и английский «щенок», не уступая ему ни в скорости, ни в маневренности. Равным было и вооружение истребителей, состоящее из совершенно одинаковых синхронных «Виккерсов». Время от времени у носа одного или другого истребителя расцветал огненный бутон, по небу проносились трассы выстрелов, но ни один из пилотов не мог добиться решающего попадания! Между крыльями англичанина были закреплены четыре неуправляемых ракеты «Ле Прие», но он никак не мог использовать это оружие. За спиной литовского пилота в захвате был укреплен штатный автомат Фёдорова, но оторваться от штурвала и стрелять из автомата было равносильно поражению. И всё же удача улыбнулась литовцу!

Форсируя мотор, Арвидас закрутил свой истребитель в ряде бочек, сбивая прицел повисшему на хвосте англичанину, а затем перевёл самолёт в перевёрнутый горизонталь-

ный полёт и защёлкнул штурвал стопором. Теперь всё решали секунды. Кто успеет первым! Арвидас вывернулся, вися на привязных ремнях, и выхватил из зажима автомат. Он отчётливо видел, как возвышается нос англичанина, готовясь дать решающую очередь по переставшему маневрировать противнику. Но литовец успел первым. Очередь из автоматической винтовки со 150 метров, направленная твёрдой рукой лётчика и не зависящая от тряски самолёта, на котором был жёстко закреплен основной пулемёт, попала прямо в двигатель. «Рон» поперхнулся, и заглох. Англичанин резко пошёл вниз, на вынужденную посадку. В падении он выпустил свои ракеты, но было ясно, что лётчик просто избавляется от взрывоопасного груза. Проследив за посадкой англичанина и убедившись, что лётчик остался цел и невредим, Арвидас направил «Сикорского» к своей посадочной площадке. Он был доволен. Его дебют прошёл даже лучше, чем у товарищей.

Печёры.

Пока Иван увлечённо разговаривал с представителем их нового «начальства», как это определил для себя Алексей, сам он отвлёкся. Лишь краем уха он ловил информацию о предстоящем задании, о всех прелестях членства в тайном клубе лётчиков, о предлагаемых за «совсем небольшую миссию» огромных гонорарах и прочем.

Алексея вновь накрывала депрессия. Прострелянная рука ныла под повязкой, дико хотелось спать, усталые мышцы требовали отдыха, а мозг всё глубже затягивало в воронку безысходных мыслей. Что у него за жизнь? Чего он, Алексей Варламов добился? Военный, лётчик истребитель, космонавт, одним из первых побывавший на Марсе, о чём, кстати, почти никто не знает и не узнает. Вроде бы есть чем гордиться, но... К чему всё это?

Жизнь перевалила за середину, у друзей и товарищей дети заканчивают школы, у некоторых уже и внуки появились. Вон, его, считай, ровесник Иван – пятеро ребят. Две замечательных девочки и трое сыновей – наследники! А он? Он дурак! Ведь сколько раз мог жениться, были же вокруг совсем неплохие девушки. А он запутался в ничего, по сути, не значащих, но крепко засевших в голове императивах о том, что мужчина «сперва должен добиться успехов жизни, обес-

печить будущую жену достойным существованием», и профукал молодость.

С «достойным существованием» тоже, что характерно, не сложилось. Сперва лётное училище, потом война, безработица, случайные заработки... Космос не исправил положения – там ему предложили лишь низкооплачиваемую работу космическим чернорабочим... Всё чуть было не начало налаживаться, когда он полетел на Марс, но... но космос теперь закрыт, как и небо, переучиваться на бухгалтера или программиста – предать дело всей жизни. И даже эти вот «игровые» полёты – просто переименованные гладиаторские игры на потеху озверевшей зажавшейся толпе мещан, жаждущей крови и адреналина. Противно!

Противно – хоть в петлю! И выхода нет! Никакого! Иван рисует радостные перспективы возрождения авиации, но сейчас, вдруг, Алексей понял, что и авиация, как таковая, тоже ничто! Ну, пролетает он на новых консервных банках ещё десять, пусть пятнадцать лет, а дальше? Пенсия, тихое угасание одинокого старика, смерть и забвение. Жизнь проходит, почти уже прошла мимо, а что в ней было? Небо? Этого мало... слишком мало!

Да, была и у него большая любовь... И он сам – никто другой, просрал собственное счастье. Он даже не признался Ольге в своих чувствах. Тогда, в школе, струсил. Да, теперь можно признаться самому себе, что именно струсил. Обманул себя, что вот, выучится на лётчика-истребителя и явится

завидным женихом, а на самом-то деле сбежал после девятого класса в училище от ответственности и невыносимого чувства неразделённой любви.

А любимая, с которой они по-дружески переписывались, внезапно уехала в швейцарские Альпы. Богатый папа отправил дочку на учёбу в Европу. Алексей тогда только что зубами не скрежетал от злости и бессильного отчаяния! В Цюрихе Ольга познакомилась с молодым дипломатом, вышла замуж, и зажила, судя по публикациям в соцсетях, в которых Алексей с каким-то мазохистским чувством продолжал за ней следить, счастливой жизнью, крайне редко показываясь на родине.

Нет, у него и самого были девушки, последний большой роман случился как раз во время подготовки к полёту на Марс, но давняя любовь не отпускала, поднимала планку к избраннице на недостижимую высоту, и мешала сделать выбор, жениться, и зажить как все. А сейчас, здесь, вот за этим столиком провинциального кафе Алексей осознал, что, похоже, ничего хорошего в жизни больше уже и не случится – так ему и догнивать в бобылях, завистливо глядя на чужих детей. И такая его накрыла тоска, что ничтожным показался и этот разговор, и их операция, да и вообще вся жизнь.

Он ещё нашёл в себе силы вежливо улыбнуться, попрощаться с собеседниками и, сославшись на боль в руке, уйти из вмиг ставшего невыносимым кафе. Алексей решил поехать в единственное место, где ему могли помочь – во

Псково-Печёрский монастырь, к своему духовнику, пять лет как принявшему монашество после смерти матушки старому священнику отцу Тихону.

На удивление, начальство легко и непринуждённо отпустило раненного лётчика «в отпуск по ранению». Единственно, удивил Алексея Иван, попросив взять с собой в поездку его куму – девушку искусствоведа, собирающую материалы к диссертации по весьма спорной, если не сказать больше, теме: «Влияние опричнины на формирование русской художественной культуры в XVI веке». Отказывать повода не было, интересный собеседник в долгой дороге лишним не бывает, и Алексей с лёгкой душой согласился.

В Печёры двинулись на машине. Рука продолжала беспокоить, потому большую часть пути машину вёл автопилот. Обычно Алексей предпочитал управлять сам, получая глубочайшее удовольствие от езды, но сейчас сказывались травма и ответственность за жизнь пассажирки, оказавшейся очень миловидной девушкой.

С первого взгляда Женя не поражала мужского воображения: невысокого роста, худенькая девушка выглядела в свои 27 более подростком, чем сформировавшейся женщиной. Пожалуй, этому способствовало полное отсутствие косметики, но явно не только это. Не слишком правильные черты лица, маленькая грудь, совсем не голливудская улыбка, нос с горбинкой... Случайные прохожие пропускали девушку, не задерживая на ней внимания.

Но когда Алексей начал со спутницей вполне нейтрально-вежливый разговор, скоро он поймал себя на мысли, что ему вовсе не хочется отводить взгляда от лица собеседницы. И дело здесь вовсе не её человеческих качествах, и не в том, что Женя оказалась поистине интересным собеседником. Всё это было так, но сам перед собой Алексей был искренним: его покорили огромные зеленовато-серые глаза попутчицы, смотрящие на мир с редко встречающимися жизненной силой и добрым интересом.

Под этим взглядом личные проблемы как будто отходили на задний план, казались не столь уж и значимыми. Женя невольно заставляла смотреть на мир её глазами. И тогда всё окружающее представало совсем в другом свете, начинало играть новыми яркими красками. Мир больше не был юдолюю слёз, местом боли и страданий. Он был несравненным созданием Всевышнего, заложившего в каждую малейшую деталь вселенной огромную мудрость и красоту.

Так же и история переставала быть чередой войн, убийств, предательств и кровавой жестокости. Нет! Во всём, абсолютно во всём был скрыт промысел Божий, ведущий к лучшему, не ограничивая дарованной Творцом свободы воли. Вот та же причина. Алексей не склонен был считать это явление однозначно отрицательным и раньше. Он понимал, что в условиях начавшегося на тот момент развала страны, получившего даже в народе хлёсткое название «семибоярщина», центральная власть в лице юного царя просто обязана

была пойти на самые строгие, и даже жестокие меры, чтобы уберечь Россию от скатывания в новую феодальную раздробленность.

Но Женя открыла ему ещё одну, очень необычную сторону событий тех лет. Исследуя архитектуру и живопись северной Руси, она не могла пройти мимо факта резкого скачка, случившегося в их развитии в середине XVI века. Именно тогда в Великом Новгороде, Пскове, и, особенно, в Вологде начался поразительный ренессанс во всех сферах искусства. Даже непросвещенному человеку достаточно посмотреть на храмы начала и конца века, чтобы заметить разницу. Ещё более она наблюдается во фресках, иконах, украшениях, дошедших до наших дней.

Чем же объяснить это явление? Некоторые, либерально настроенные историки считают, что здесь прослеживается влияние западной Европы, с которой как раз в тот период у России начали развиваться активные торговые связи через Архангельск. Но это очень легко опровергается! Новгород веками имел самые теснейшие связи с Европой, являясь основателем и крупнейшим членом Ганзейского союза! Да и чисто искусствоведческий анализ говорит, что в новых произведениях искусства влияние Запада далеко не определяющее! Нет! Здесь явно ощущается русская, вернее, московская школа!

Но если явно видно влияние московской школы, то возникает вопрос – почему оно начало сказываться именно в

этот конкретный исторический период? И ответ, как ни парадоксально, во влиянии опричнины. Опричнина послужила, помимо прочего, катализатором одного из величайших в истории страны внутреннего переселения народа. Не случайно именно в те годы Ермак присоединил к России Сибирь и началось её активное заселение русским людом.

Но если простые крестьяне и казаки искали вольной воли на востоке, то культурная верхушка, интеллигенция, связанные с боярскими кланами мастера постарались перебраться из ставшей не слишком уютной столицы на более безопасную, но, тем не менее, комфортную и культурную почву северных провинций. Многие подались в Новгород, но не меньше торговых людей потянулось во Псков и, особенно, в новую торговую столицу – Вологду, через которую начала идти бойкая морская торговля с Англией.

Характерно, что если по торговым делам в новые города купцы переселялись и раньше, то под влиянием опричнины произошёл отток из столичного региона большого количества ремесленников самого различного толка: каменщиков, ювелиров, иконописцев. Эти люди быстро ассимилировались в быстро развивающихся торговых городах, обеспечивших им крупные заказы. Они принесли с собой новую для этих мест технику, культуру производства, новые веяния и взгляды, сложившиеся в столице и до того крайне ограниченно проникавшие на окраины.

За разговорами шесть часов в дороге от Москвы проле-

тели незамеченными. Лишь однажды молодые люди остановились в симпатичном месте на берегу небольшого прудика, чтобы пожарить предусмотрительно прихваченный с собой Алексеем шашлык. В Печёры приехали в сумерках, и в монастырь идти было поздно. Благо, лётчик отлично знал городок, и скоро они с Женей, бросив вещи в очень удобно расположенной у самого входа в Псково-Печерскую лавру гостинице, отправились поужинать в ресторанчик, оборудованный в старинной башне. С деньгами у Алексея в кои-то веки был полный порядок, и он смог угостить попутчицу хорошим ужином.

Наутро, отправив Евгению в длительную экскурсию по дальним пещерам, которую ей с благословения отца Тихона устроил один из послушников, Алексей, наконец, уединился с духовником в его келье. Как человек военный, он не мог рассказать старцу всего, но и того, что мог, хватило с лихвой.

Внимательно выслушав «чадо», отец Тихон молча налил Алексею полную кружку сбитня, дождался, пока тот выпьет, и лишь тогда заговорил.

– Умный ты, Лёша, парень, а всё одно дурень! Очень уж легко враг ловит тебя на страстях, а ты и рад ловиться. В уныние впадаешь, а уныние – смертный грех! Это, брат ты мой – недоверие к Творцу! А Господь всё слышит! Вот ты ещё и не попросил ничего, а он, как любящий Отец, уже позаботился о тебе. Ничего я тебе сейчас не объясню... Не поймёшь ты – гордыня и самолюбование тебе глаза закрыли... А всё

же, поверь! Господь уже всё устроил, и скоро, очень скоро ты поймёшь Его замысел о тебе. Вот как только самовлюблённость отбросишь, так всё и поймёшь. А сейчас ступай! Ты человек военный, так что делай, что должен и не падай духом – ушибёшься! Иди, иди! Проводи, вон спутницу свою по монастырю, свози её в Изборск, во Псков. Девушка она светлая и очень хорошая – не обижай её!

В ответ на изумлённый взгляд лётчика, монах покачал головой, мол, он не сводня – сказал именно то, что сказал и ничего более, и подтолкнул гостя к двери кельи.

Покидал монастырь Алексей в весьма смешанных чувствах. Ни один из мучавших его вопросов решён не был, но на душе удивительно посветлело. Как и советовал духовник, он свозил Женю в Изборск, во Псков и расстался с девушкой у стен Крома. Короткий отпуск заканчивался, впереди ждало ответственное задание, а нужно было ещё разобраться с рукой, и лётчик отправился напрямиком в отделение интенсивной терапии Института космической медицины, где ему могли помочь за несколько дней регенерировать рану.

Бомба.

Паром лежал на дне долгие десятилетия. Никто на поверхности не мог ручаться за то, в каком состоянии находится его груз. Вообще, почти никто из людей даже не подозревал, что вёз давно утонувший корабль. Да, в своё время катастрофа парома стала громким делом: в ней погибло более 800 пассажиров, но тогда удалось всё списать на шторм и несовершенство конструкции судна.

Немного странным было то, что судно не стали поднимать с совсем небольшой глубины. Более того, место трагедии объявили массовым захоронением и запретили туда любой доступ, для чего потребовалось даже переписать несколько законов сразу трёх государств. Ещё большее недоумение у думающих людей вызвала попытка накрыть лежащее на дне судно бетонным саркофагом. Более того, когда оказалось, что саркофаг установить невозможно, на паром высыпали четыреста тысяч тонн гравия, после чего в районе гибели установили автоматическую радиолокационную станцию, сообщающую в береговую охрану о любой попытке приблизиться к запретному району.

В Европе шла большая война, и причуды властей небольших северных стран мало волновали население континента. Потому, всю историю удалось замять даже тогда, когда неза-

конно проникшие к судну аквалангисты опубликовали снимки парома, на которых отчётливо была видна огромная пробоина в его правом борту, никак не вязавшаяся с официальной версией гибели судна.

Более того! Обнародование данных материалов окончательно всех успокоило. Правительство к этому моменту поменялось несколько раз, и все странности списали на нежелание давно ушедшего на покой премьер министра раскрывать неблагоприятные подробности катастрофы, произошедшей по вине некомпетентных военных, допустивших столкновение судов. Вот только радар на месте гибели остался включенным и запретную зону отменять так и не стали. Но на то и демократия, чтобы принять закон было куда проще, чем отменить.

И вот час настал. Во второй половине XXI века о пароме давно забыло даже новое правительство Швеции. Никого не удивило и не встревожило пропадание сигнала от древнего локатора: на его техобслуживании многие годы экономили, так что поломка была вполне закономерна. Подошедший к району катастрофы рыболовецкий траулер остался незамеченным, как и спустившиеся с его борта аквалангисты. Целью профессиональных ныряльщиков был груз давно затонувшего судна.

В день выхода парома на его борт заехали две тяжело гружёные фуры, не прошедшие таможенного контроля. Явление тогда вполне обычное – с территории недавно образо-

ванной Эстонии вывозили интересное новым хозяевам мира оборудование и вооружение, оставшееся в наследство от рухнувшего СССР. То, что на этот раз груз не совсем обычен, команда не знала, иначе ни за что не приняла бы на борт ТАКУЮ контрабанду. В фурах везли четыре транспортировочных контейнера высшей степени защиты с тактическими спецбоеприпасами – атомными бомбами новейшей конструкции.

Правительство Швеции сумело нелегально приобрести боеголовки в новообразованной Российской Федерации и теперь спешило вывезти ценный груз через территорию Эстонии, что вызывало куда меньше подозрений, чем прямая поставка. Ведь боеприпасы покупались не у правительства, а у проворовавшихся военных. Ошиблись скандинавские дельцы в одном – разведка США к тому моменту уже очень плотно курировала процессы на территории бывшего главного противника. О сделке стало известно в Пентагоне и генерал Линдон Джеффриз, курирующий соответствующий отдел спецопераций, приказал не допустить попадания столь опасных предметов в руки на тот момент ещё независимой Швеции.

Времени до поставки оставалось мало, и американцы не успели придумать и осуществить ничего более умного, чем попытка захвата груза в море. По случаю, совсем неподалёку проходили манёвры объединённого флота НАТО и на перехват вышедшего в свой последний рейс парома отправился

патрульный катер «Айленд» с отрядом морской пехоты армии США на борту.

На самом пароме действовал отряд диверсантов, уничтоживших крепления визора – огромной откидной рампы в носу судна, через которую в трюм заезжали автомобили. Через неё не только было легче перегрузить «товар», но и мотивировалось исчезновение всех ненужных свидетелей. Затонуть, даже и с дырой от сброшенного визора, огромное судно не могло, ведь дыра получалась достаточно высоко от ватерлинии, да, к тому же, паром изначально проектировался с возможностью противостояния именно такой аварии.

Чего не учли, да и не могли учесть стратеги, так это банального случая, помноженного на не самую высокую подготовку лишь по случаю оказавшихся под рукой моряков. Набежавшая штормовая волна бросила как раз готовившийся принять первый из контейнеров «Айленд» на правый борт парома, и нос катера прошил не слишком прочную обшивку гражданского судна как картон. Получивший в дополнение к имеющейся от потери визора ещё одну огромную дыру в брюхе паром начал быстро тонуть, и американцы поспешили убраться восвояси.

О состоянии, в котором оказался груз не мог знать никто, поднимать паром, да и вообще приближаться к месту его гибели могло быть смертельно опасно, и правительства Швеции, Эстонии и Финляндии сделали всё возможное, чтобы навсегда забыть о злополучном судне, его грузе и обстоятель-

ствах их гибели.

Но забыли не все. В тот день, когда гости мистера Сэвила наслаждались устроенным им хозяином «аэрошоу» дайверы подняли и погрузили на траулер первый контейнер со спецбоеприпасом. Величайшая в истории провокация вошла в кульминационную фазу.

Бой.

Огромная поляна посреди бескрайнего лесного массива полна народа. Грандиозный музыкальный фестиваль «Рок фест Белоруссия» собрал несколько тысяч поклонников всемирно известных белорусских рок-музыкантов. Люди приехали сюда не только из всех концов Великой, Малой и Белой России, но и из стран дальнего зарубежья. На краю поляны разбит огромный палаточный лагерь, в котором разместились те, кому по каким-то причинам неудобно ездить из Островцов.

Некоторую пикантность обстановке придаёт небольшая группа норвежских эко-активистов. Эти официально явились на фестиваль для проведения протестной акции с требованием срочного демонтажа находящейся совсем рядом с главной площадкой фестиваля законсервированной Белорусской Атомной станции.

Правда, протестная акция не удалась: весёлая русская молодёжь поотнимала у заморских гостей плакаты, сунула взамен уже открытые бутылки с горячительным, и вскоре почти все норвежцы влились в общую массу беспечно отдыхающих, наслаждающихся отличным летним днём людей. Несколько оставшихся молодчиков уныло стояли на краю поля с плакатами, но на них не обращали внимания даже

специально приехавшие снимать «массовые протесты» журналисты европейских и американских медиа-холдингов.

Акулы пера быстро поняли, насколько жалко смотрится убогая кучка оставшихся от массовки фриков, и теперь задумчиво стояли у сваленных в небрежную кучу поломанных плакатов и транспарантов, гадая, что бы такое предпринять, чтобы дать в эфир заранее проплаченную картинку. В конце концов, журналисты решили снимать всё подряд в надежде на счастливый случай и льющееся рекой горячительное.

К полудню зной достиг такого уровня, что организаторы прервали выступления. На поле организовали раздачу воды и горячей пищи из полевых кухонь, толпа разбилась на группки по интересам, начались игры. Однако к пяти вечера поляна вновь наполнилась. С минуты на минуту на сцену должны были подняться главные герои дня: группа «Грёзы Донкихота». К тому моменту, когда дошло до главного хита этого лета, толпа уже просто неистовствовала, и не замечала ничего вокруг. Тысячи глоток в едином порыве орали:

Жизни половину я
Прожил, чтоб отчаяться!
Песня лебединая
В сердце не кончается!
Что я с этим сделаю?
Сердце непокорное
Любит лебедь белую
С головою чёрною!

Во всеобщем безумии, охватившем толпу, никто не заметил появления на горизонте двух групп самолётов, устремившихся к поляне. Концерт прервался только тогда, когда шальная очередь из крупнокалиберного пулемёта прошла по сцене, раздробив ударную установку и лишь чудом не задев никого из музыкантов. Вот тут уже телевизионщики получили такую картинку, о которой можно было только мечтать!

И впрямь – в небе кружили аж семь явно военных самолётов, демонстрируя чудеса пилотажа! В центре боя летела очень красивая двухмоторная машина, а вокруг неё сплелись в клубке боя шесть истребителей: три длинноносых серебристых МиГа и столько же «Спитфайров». Рёв авиационных моторов заглушил все звуки, толпа замерла в изумлении, в ней началось стихийное движение: самые боязливые стали оттягиваться к опушке леса, другие, напротив, устремились к центру поля.

И никто не думал о том, что в воздухе решалось будущее не только присутствующих, но и ещё как минимум двадцати миллионов человек. Правду о происходящем, да и то не всю, знали только трое пилотов МиГов. Для остальных всё это было лишь жестокой, опасной, но игрой, о которой все слышали, а вот теперь сподобились наблюдать воочию.

Вылетели в три часа дня. По полётной легенде шёл 1941 год, и машины должны были соответствовать. Мы выбрали себе истребители МиГ-1. На первый взгляд такой выбор мо-

жет показаться странным, ведь даже в отечественной авиации имелись и Як-1 и ЛАГГ-1. И это не говоря вполне достойных французских, американских и английских машинах. Подобный выбор был бы более логичен, ведь сопровождать нам предстояло американский «Бостон» А-20. Но вердикт был единогласен – МиГ и только МиГ.

И тому были вполне конкретные причины. МиГ многократно охаяли авторы многочисленных книг и фильмов про войну. Истребитель, на который возлагались огромные надежды, который был самым массовым из «новых» на начало войны, уже на следующий год практически сошёл со сцены и был снят с производства. Неужели мало свидетельств того, что самолёт имел врождённые пороки, что война расставила всё по местам и отсеяла негодное? Оказывается – нет.

Внимательное изучение подлинных документов даёт несколько иную, далеко не столь однозначную картину. Нет смысла подробно рассказывать о достоинствах и недостатках иностранных истребителей того периода. Мы изначально решили организовать что-то вроде «национальной команды», летающей на отечественной авиатехнике, так что выбор резко сократился. ЛаГГ не просто так расшифровывался в авиации как Лакированный Гарантированный Гроб. Слабый двигатель сводил на нет все достоинства этой машины, огромный потенциал которой, тем не менее, раскрылся с заменой мотора на мощный и надёжный звездообразный двигатель воздушного охлаждения. Як-1, ставший, со временем,

самым массовым истребителем военного времени, тоже никак не подходил для намеченных целей. Облегчённый сверх всякой меры истребитель, практически представлял собой пилотажную машину с пулемётом. Запаса топлива едва хватало на короткий бой в районе взлёта, были проблемы с высотой, скоростью и прочностью.

А что же МиГ? Последний истребитель великого Поликарпова, подлейшим образом украденный у автора на этапе подготовки к производству недаром выдвигался Сталиным на ведущие роли. Обладающий прекрасными пилотажными свойствами, этот самолёт был наиболее скоростным и высотным, и имел неплохую дальность. Так почему же он, в отличие от не столь совершенных собратьев, сошёл со сцены? Причина проста. Достоинства самолёта стали в условиях войны его недостатками. Во-первых, самолёт имел в конструкции высокий процент металлических частей, что в условиях военного времени и дефицита алюминия оказалось очень дорогим. Во-вторых, установленный на истребителе мотор М-35 был «старшим братом» двигателя, устанавливавшегося на штурмовик Ил-2. Очень быстро оказалось, что именно штурмовики для фронта нужнее всего и все производственные мощности были направлены на выпуск «штурмовой» модификации мотора. Ну и в-третьих, ЛаГГи, Яки и даже «Ишачки» в реальных условиях того военного времени справлялись со своими обязанностями не хуже. Боёв на больших высотах не велось, далеко летать на сопровождение

бомбардировщиков не приходилось, и хороший, но дорогой и сложный в производстве самолёт уступил место дешёвым собратьям.

Всё, время для лирических отступлений прошло! В заданной точке над Беловежской пущей встречаем одинокий самолёт – наш подопечный «Бостон». Экипаж там явно профи: бомбардировщик идёт идеально ровно, выдерживая высоту и направление, несмотря на довольно сильный и порывистый боковой ветер. Видно плавное, экономичное, но постоянное подрабатывание рулей высоты и направления, которыми пилот компенсирует все внешние воздействия, строго придерживаясь заданного курса. Примета настоящего мастерства! Сразу видно – пилот не один год вручную пилотировал явно гражданские суда! Никто из нас на подобное просто не способен!

Берём «Бостона» на сопровождение. Пилот, лицо которого, отчего-то скрыто гермошлемом, приветливо машет рукой, и мы пристраиваемся ему вслед. Бомбер идёт высоко, и это хорошо – так его гораздо легче охранять. Мы с Иваном расходимся вправо и влево, а Арвидас уходит на высоту. Вот только интересно, а что если именно наш «Бостон» несёт ядерный заряд, который должен проломить защиту реактора БелАС и вызвать масштабную катастрофу? Маловероятно, ведь экипаж бомбера не самоубийцы, а не понимать, что же произойдёт при попытке «такого» бомбометания невозможно.

Летим над бескрайним лесным массивом, и совершенно невозможно представить, откуда же тут появится неприятель, и кто же это будет. Три точки появляются буквально ниоткуда! Они прятались в небольшом облачке со стороны начинающего склоняться солнца и сумели подобраться к нам почти незамеченными! Успеваю восхититься мастерством противника, машинально отмечая великолепную слаженность лётчиков, действующих как единый организм! Их манёвры идеально согласованы, движения точны и плавны, а протянувшиеся к нам трассы выстрелов направлены расчётливой и твёрдой рукой, настолько близко они проходят несмотря на приличное расстояние!

Уворачиваюсь от направленных в мою сторону трасс и боковым зрением замечаю, как наш «Бостон», форсируя двигатели, устремляется вперёд, не отклоняясь от курса! Странно, но по нему, похоже, не стреляют. Видимо, решили оставить на закуску. Но сейчас не до того! Ко мне устремляется один из вражеских истребителей и я, наконец, могу рассмотреть тип машины. Это, несомненно, «Спитфайр» – один из лучших истребителей того времени. Мощный мотор, великолепная маневренность, сильное вооружение – в английской машине прекрасно всё, но и у неё, понятно, есть недостатки.

На горизонталях мне ловить нечего, стрелять настолько далеко, как противник, я не умею, да и боезапас ещё пригодится, потому уклоняюсь от вражеских трасс и жду един-

ственного момента. Впрочем «жду» – неверное слово! Противник приближается стремительно, почти в лоб, и времени у меня нет. Ныряю в неглубокое, только чтобы обмануть вражеского пилота пике, и резко перехожу к набору высоты! Ну же, МиГ, не подведи! Очередь из пулемёта прошивает плоскость крыла, но мы уже разминулись. МиГ входит в петлю, и из верхней точки я вижу «Спитфайр», делающий боевой разворот.

Нет! Всё же это прекрасный истребитель, пилотируемый опытнейшим пилотом! Он не стал резко лезть вверх, зная о проблемах с двигателем «Мерлин», частенько глохнувшем на подобных манёврах! Противник реализует превосходство в горизонтальном манёвре! Но сегодня не его день. Его манёвр предугадан, и я открываю огонь изо всех стволов прямо из перевёрнутого положения. Бронезащита «Спитфайра» никогда не отличалась ни мощностью, ни качеством, но я бью не по пилоту, а по мотору. Жидкостный двигатель очень уязвим от малейших повреждений, а сегодня по нему попало минимум несколько крупнокалиберных пуль, выпущенных практически в упор. Чадающий истребитель устремляется к земле, а пилот даже не пытается выпрыгнуть. Неужели убит? Я не видел попаданий в кабину, но всё возможно!

Так, где же остальные? Оглядываюсь и вижу, что Арвидас справился со своим противником и уже устремился на помощь Ивану, а что же «Бостон»? О Господи! Мы же на самом подлёте к станции! Вижу, как бомбардировщик, по ко-

торому не было сделано ни единого выстрела, меняет курс и спокойно направляется к саркофагу, прикрывающему реакторную зону! Его движения зловеще безупречны, и я, дурак, наконец понимаю, в чём тут дело! Автопилот! Нет там никакого экипажа! Автопилот и манекен в кресле пилота, запрограммированный только помахать рукой, чтоб обмануть нас! Да и в «Спитфайрах», похоже, такие же «лётчики» с единственной задачей отвлечь и задержать нас, дать возможность бомбовозу сбросить свой страшный груз!

И это им удалось! Пока я крутился в схватке, «Бостон» прилично удалился, снизился, и уже заходил на бомбёжку! Предельно форсируя мотор, рву ручку управления двигателем и захожу в пике, в тщетной попытке догнать ускользающий бомбардировщик! Нет! Мне его уже не достать! Сейчас, минута, и произойдёт ядерный взрыв! В отчаянии жму на гашетку, не надеясь попасть с такого расстояния даже случайно. Но что это? Бомбардировщик как будто подбрасывает, он буквально разваливается в воздухе и падает, не долетев до станции буквально километр! Взрыва нет! Не верю глазам! Такого не бывает! И всё же, есть то, что есть: враги догорают на земле, а мы целы и можем с чистой совестью возвращаться на свой аэродром.

Там-то всё и проясняется! «Бостон» сбил расчёт ПЗРК «Стрела-7», как раз на этот случай поставленный у станции. Нечестно? Ну так и вся эта игра была нечестной. На наше счастье тот, кто всё это затеял, пожалел приближённых лёт-

чиков, и выслал машины под управлением пусть продвинутых, но автопилотов, чьи действия оказались предсказуемы и позволили нам одержать победу над сильнейшим противником.

Ольга.

Алексей поднял голову от опустошённой пивной кружки. На душе было погано. Утром, приехав домой, он вышел в интернет и проверил соцсети. Он не ожидал увидеть ничего особенного. В интернет он давно уже заходил от случая к случаю, точно зная, что ничего по-настоящему значимого не пропустит, а время гаджеты воруют со страшной силой. Но сегодня было иначе: лётчик ждал сообщений от друзей, которые могли догадаться, кто же был одним из лётчиков, участвовавших в громком деле в небе Белоруссии. Оказывается, главная схватка произошла прямо над площадкой рок-фестиваля, были даже несколько раненных.

То, что он увидел, просмотрев новостную ленту, повергло Алексея в шок. Какой там бой! Все события ближайших месяцев просто ушли на задний план! Нет, ближайшими были как раз ожидаемые письма друзей, обсуждения прошедших событий, предположения о том, что же это было, и кто в этом участвовал. А вот дальше... Дальше шло открытое письмо, опубликованное мужем девушки, в которую Алексей был давно и безнадежно влюблён, так и не решившись признаться ей в своих чувствах.

Теперь Алексей вновь и вновь крутил перед глазами прощальный пост любимой:

– Шестнадцать лет тому назад у меня начался туберкулез легких и сразу принял бурные формы. Это был новый, усиленный штамм болезни, против которого не существовало лекарств. Когда я уже была при смерти, родители отвезли меня в швейцарские Альпы. Долгие месяцы пролежала я на балконе высокого здания больницы, как будто повисла между небом и землей. Шел снег, день и ночь кружились и падали снежинки, а я лежала в меховом мешке, ожидая конца.

Тогда мне было девятнадцать лет, умирать не хотелось, я боялась того, к чему шла. Но выбора не существовало, умирать было нужно, и вот, понимая неизбежность этого, я задалась целью выкорчевать в себе волю к жизни. Это не было примирением со смертью, нет. Это была борьба против жизни. Чтобы стало легче на душе... Понимаете ли вы разницу? Я принялась воскрешать в себе все любимые образы и затем умерщвлять их, разрушая иллюзии, вытаптывая желания... Времени было много, врачи отвели мне не меньше месяца жизни.

Снег падал день и ночь, я открывала глаза и все видела белые хлопья, проплывающие мимо меня из ниоткуда в никуда... Работа шла медленно, но успешно, и вот настал день, когда я почувствовала, что мне все равно – ощутила в себе великое равнодушие, покой и свободу. Ах, если бы вы только могли понять... Я, наконец, стала свободной: поняла, что и жизнь и смерть не являются радостью или страданием, добром или злом. Это лишь бездушная смена форм бытия, в ко-

тором моя личность – ничто. Сказать это легко, но трудно понять.

Итак, жизнь была успешно выкорчевана из сердца, но смерть всё не приходила. Я лежала в меховом мешке между небом и землей и равнодушно ожидала конца – без радости и сожаления. Но горный воздух незаметно сделал свое дело куда лучше, чем хваленые лекарства: якобы неизлечимая болезнь стала мало-помалу проходить, восстановились физические силы, и однажды врач «поздравил меня с жизнью».

В снежную метель добралась я до деревушки, примостившейся на склоне горы, полночи просидела в старинном здании маленького местного вокзальчика в ожидании экспресса на Цюрих, делающего здесь двухминутную остановку. А потом, потом и сама не заметила, как поезд тронулся. В утренней предрассветной дымке мимо поплыли белые вершины гор, в ущелье начался уже дождь, а когда поезд остановился внизу, я выглянула в окно – Боже! – вокруг благоухал дивный весенний день. Деревья стояли в цвету, из невидимых садов веял сладкий аромат.

Вечер того дня был праздничный: толпы людей в белом запрудили улицы, всюду слышался говор и смех, чей-то сильный и страстный голос пел о любви... Вот тогда, одна среди беспечной, говорящей на чужом языке толпы, в эту весеннюю ночь рождения к новой жизни, я сделала открытие: меня нет. Я умерла.

Конечно, вначале было тяжело. Потом привыкла, втяну-

лась в каждодневную суету, оставаясь ей чужой. Шла по жизни, как не особенно любопытный путешественник. Вышла замуж за чудесного мужчину, полюбившего меня всем сердцем, родила ему дочь, и даже на миг вообразила, будто смогу вновь жить как все. А потом болезнь вернулась – боевые вирусы так просто не отступают, а с болезнью вернулась и свобода от жизни, которую я некогда обрела в далёких горах. Все проходит, пройдет и жизнь – значит, ничего не нужно.

Или нужно только сознание свободы – потому что когда есть это, то больше ничего, ничего не надо. Считать жизнь злом и страдать от этого – означает придать ей значение, которого она не заслуживает. Пессимист – родной брат оптимиста, оба они разными способами утверждают одно и то же. Что же касается меня, то я – скептик, любящий хорошее вино и сильные ощущения. «Долой теплые набрюшники!» – вот мой лозунг. – Люблю пророков, побиваемых камнями, Прометеев и Квазимодо. Люблю неоплаченный скромный подвиг. Сторонюсь от людей с двойными подбородками, в карманах которых аккуратно сложены удостоверения на звание героя и золотые кредитные карты за совершенный подвиг! Прощайте, все кого я знаю и кому я не совсем безразлична. Сегодня я подписала отказ от продолжения поддержания жизни. Значит, завтра меня не будет, потому что последнюю неделю за меня дышит машина – от лёгких не осталось уже ничего.

Приписка к письму, сделанная мужем Ольги, гласила, что

письмо, согласно последней воле супруги, он разместил после её смерти. Похоронена она на старом люберецком кладбище, координаты геолокации прилагаются. Про него в прощальном письме ничего не было, да оно и неудивительно – это он любил её, не наоборот. Более того, она даже не знала о его чувствах: до болезни он не успел признаться Ольге в любви, а вернулась на родину она уже замужней. Крепко усвоенные с детства принципы не позволили Алексею говорить с Ольгой о чувствах, тем более он видел её счастье и не хотел даже в малом это счастье омрачить.

Но влюбиться в другую так и не сумел. И вот теперь любимая ушла туда, откуда не возвращаются. А он сидит, пьёт дрянное пиво и не может даже попрощаться – поздно... Вообще всё поздно.

Полуфинал.

Прогреваю мотор и думаю о предстоящем полёте. Полуфинал всемирных игр дело серьёзное – стоит ждать подвохов! И вовсе не случайно вчера был назван именно этот 1938 год. Год непривычных широкой публике, но уже весьма и весьма развитых самолётов. Похоже, что французы, против которых предстоит выступить мне, да и японцы с американцами, которым предстоит столкнуться во второй схватке, покажут сегодня много интересных «домашних заготовок». И только мне на старом, верном, но по меркам 1938 года безмерно устаревшем, «Ишачке» предстоит скорее удивляться, чем удивлять.

Мысли плавно соскальзывают на то, как же мы все, и я в частности, дошли до жизни такой. После победы в бою над Белорусью, потрясённый смертью любимой, я крепко запил, а потом осознал, каким же, по сути, эгоистом был всю жизнь. Жалел себя, упивался своим «несчастьем», и напрочь забыл, что «любовь не ищет своего». Почти месяц провёл я той зимой в Псково-печерском монастыре трудником, выполнял самую тяжёлую и грязную работу, но, в итоге, примирился с собой.

Специалисты, обследовавшие обломки сбитого «Бостона», нашли-таки бомбу, которую тот должен был сбросить.

Наши противники подстраховались по полной! Мы ожидали обнаружить стандартный западный спецбоеприпас, с его однозначной маркировкой и прослеживаемой историей, но не тут то было! Бомбер вёз боеголовку производства ещё позднего СССР, да не простую, а одну из опытных «чистых» бомб, появившихся лишь к самому концу 80-х годов, но так и не пошедших в серию из-за распада страны.

Где они раздобыли это чудо, как сумели подготовить к использованию – загадка. Впрочем, если за организаторами стоят госструктуры, то с подготовкой проблем возникнуть не могло. А вот поверить, что все эти годы боеголовка хранилась в одном из западных арсеналов... очень сомнительно. Ну да сейчас не о том – это работа для разведки.

Всемирные авиаигры, в просторечии называемые гладиаторскими, выросли из тех нелегальных боёв, в которых мы принимали участие всего полгода назад. Тогда, после побоища в белорусском небе, казалось, что игры прикроют, но где там... Слишком большую популярность они уже обрели, слишком много денег было вложено, и правительства пошли на легализацию. Тем более кровавое развлечение давало выход агрессивной энергии, которая, иначе, грозила социальными взрывами.

Как и прежде, генератор случайных чисел за сутки до предстоящей схватки называет «год». Согласно правилам, участники не имеют права пользоваться техникой и оружием, первые образцы которого появились позже указанного

срока. Исключение сделано для систем спасения пилота. Наша с Иваном идея о «национальных» командах жива. Необязательным правилом, но знаком «хорошего тона» считается использование пилотами «отечественной» техники.

Сохранилось и правило вступления в клуб игроков. К участию в отборочном туре игр допускается всякий, имеющий собственный самолёт... А участник обязуется сражаться в любой схватке, на которую назначен «год» после выпуска его самого старого аэроплана. Случается, что антикварная этажерка вылетает на бой с реактивным истребителем! Но это редкость, да и пилоты профессионалы в таких случаях аккуратно ломают фюзеляж противника стараясь не повредить пилота. Настоящие же бои проходят между неофициальными национальными командами крупных держав. Вот тут схватки ведутся не на жизнь, а на смерть!

Сейчас, во время мира, игры единственная возможность официально стать асом, ведь армии засчитывают одержанные на играх победы в боях. Воссоздание военной авиации идёт медленно, и до первых полётов на новых машинах далеко, конкурс на поступление в ряды обновлённых ВКС ожидается запредельный, так что мы с Арвидасом и Иваном решили ещё немного погладиаторствовать и нарастить «личный счёт», желательно никого не убивая.

Сегодня полуфинал. Заявлен 1938 год. Утром я сражаюсь с французом, а во второй половине дня американец с японцем. Мне нечем удивить публику – выдавший виды И-16 тип

17 с двигателем М-25В к 38му году уже абсолютно устарел. На вооружении многих стран появились самолёты, прославленные во время следующей войны. Вообще говоря, формальных ограничений на использование того или иного самолёта нет, и я точно знаю, что, к примеру, Гюнтер без колебаний дал бы мне сегодня свой Vf-109D, но...

Но я привык к «Ишачку», искренне полюбил этот курносый истребитель и верю в него! Так что не будем нарушать традиции, и посмотрим, что же приготовил француз.

Поднимаюсь в воздух и начинаю интенсивно набирать высоту. Конечно, некоторые считают, что на фоне земли легче спрятаться, улучшить удобный момент и решить дело одним ударом. И при отсутствии радаров такая тактика не лишена смысла. Но это не мой стиль! Предпочитаю иметь запас высоты и скорости для того, чтобы самому выбирать рисунок боя.

Усиленно верчу головой в безрезультатных поисках противника. По всем законам, он уже должен быть в «квадрате» поединка. Неужели прячется у земли? Чутьдвигаю ручку от себя, и вдруг замечаю, что усилие заметно больше привычного. Смотрю на крылья – так и есть! Крылья блестят, покрытые коркой льда! Старая подлость! Подкупленный техник помыл самолёт перед самым вылетом, а то и плеснул водички на крыло прямо во время рулёжки. И вот результат – обледенение! Вернусь – голову оторву! Впрочем, теперь главное вернуться. Снаряды то и у меня и у противника са-

мые настоящие, а с учётом обстоятельств, стоит и иных подлостей ожидать!

Что ж, значит нужно срочно снижаться, иначе совсем скоро я стану беспомощной мишенью в чужом прицеле! Продолжаю вертеть головой вдвое быстрее. Ага! Вон он! В лучших традициях, притаился за тучкой и теперь заходит слева, со стороны солнца. Ну, кто же там? Ухожу в глубокое пикирование, чтобы набрать скорость и избавиться ото льда. Одновременно пытаюсь определить тип самолёта противника.

Стремительный силуэт приближается, и я с удивлением узнаю американский Кёртис Хок! Ничего себе неожиданность! Но удивляться некогда, тем более вспоминаю, что эти американские самолёты стояли на вооружении ВВС Франции перед Второй мировой войной. Но что же я знаю об этом самолёте? Уж его-то ТТХ я не заучивал накануне!

Смутно вспоминается: Кёртис Хок – цельнометаллический низкоплан со скоростью около 500 км/ч, вооружённый одним крупнокалиберным и тремя обычными пулемётами, живучий к повреждениям звездообразный двигатель воздушного охлаждения, достаточно маневренный, но не слишком скороподъёмный. Ну, я на обледенелом ишачке тоже скороподъёмностью не страдаю!

Мысли занимают какие-то секунды, но пора выходить из пикирования! Быстро, но плавно тяну ручку управления на себя, постоянно помня о дурных штопорных характеристиках норовистого ишака. Выхожу из пикирования на двух километрах,

и наблюдаю стремительно приближающийся более скоростной Хок. Шансов у меня немного, но они есть!

«Ястреб» на всей скорости заходит ишаку в хвост, а я медленно начинаю набирать высоту, имитируя желание занять верхний эшелон. Отчётливо видны яркие трёхцветные круги на крыльях, расстояние сокращается до 500 метров. Вот Хок открывает огонь из всех стволов и в мою сторону протягиваются яркие пулемётные трассы. Скажу вам, что ощущение весьма неприятное!

Резко переключив ручку вправо и ухожу из-под тянущихся ко мне трасс вправо вниз. Пике получается очень крутым, и выйти из него не так и просто. Выхожу с максимальной перегрузкой всего в 800 метрах от земли. Оглядываюсь, ожидая противника слева – сзади, и не верю своим глазам! Как?! Хок несётся на меня справа! Пилот предвидел мой манёвр, а американские инженеры создали великолепную машину, обладающую отличными пилотажными свойствами! Ястреб вновь открывает огонь! В сторону ишачка тянутся отчётливые трассы, и нужно принимать быстрое решение. Снова удирать? Но запаса высоты больше нет, да и на вертикали я явно проигрываю противнику!

А! Была не была! Резко беру ручку на себя, и истребитель буквально подпрыгивает, задирая курносый нос к небу. Скорость резко падает, вот-вот начнётся сваливание в штопор, но главное сделано – прицел у Хока сбит и он, не ожидая такого манёвра, проскакивает прямо надо мной. В моём распо-

ряжении всего несколько секунд, чтобы поразить мелькнувшее всего в полусотне метров брюхо противника. Из всех сил жму на гашетки, и ишачок содрогается от отдачи, буквально проседая на хвост. Вот по вооружению у меня явное преимущество – целых две 20мм пушки ШВАК и два сверхскорострельных ШКАСа! Трассы тонут в сером брюхе противника, а ишачок, наконец, сваливается в штопор.

Что там происходит дальше не вижу – не до того. Теперь главное – выскочить из смертельно опасного на этом самолёте штопора. Прыгать нельзя – это поражение, в лучшем случае ничья, если моя очередь всё же сбила Хока. Сосредотачиваюсь на счёте витков и приборах. Первый виток, второй, взбесившийся альтиметр вращается быстрее самолёта, ускорение вжимает в чашку сиденья, а я жду. Шанс только один. Строго по инструкции, написанной в далёком 1935 году, на двух с половиной витках быстро, но плавно даю ручку и молось, чтобы мотор не заглох! Перегрузка ещё нарастает, фюзеляж трещит, и кажется, что фанерно-полотняный самолётик вот-вот развалится, но вращение прекращается, переходя в отвесное пикирование.

До земли всего 300 метров! 200, 150, тяну ручку управления так, что кажется, сейчас лопнут сухожилия! Ишачок плавно, миллиметр за миллиметром выравнивается, но медленно, слишком медленно! Стремительно приближаются вершины вековых сосен, я вот-вот врублюсь в этот сотни лет нетронутый лес, но каким-то чудом машина всё же выходит в

горизонталь и я несусь на запредельной, почти шестисоткилометровой скорости буквально чиркая днищем о верхушки деревьев! Это потрясающе! Вот ради таких моментов стоит жить на свете! Никто, никогда не сумеет передать ощущения пилота в подобную минуту!

Но радоваться и ликовать рано, надо замедлиться, чтобы двигатель не словил клина и узнать, что же там с противником. Плавно ухожу в набор высоты, гася избыточную скорость, и озираюсь по сторонам. Вдалеке над лесом поднимается густой столб жирного чёрного дыма, а в небе парит оранжевый парашютный купол. Похоже, я всё-таки выиграл! Теперь можно и домой – на аэродром!